

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

**«НАРОДНАЯ ЛИНГВИСТИКА»:
ВЗГЛЯД НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА НА ЯЗЫК
‘FOLK LINGUISTICS’:
LANGUAGE FROM SPEAKERS’ PERSPECTIVE**

Тезисы докладов
международной научной конференции
Санкт-Петербург, 19 – 21 ноября 2012 г.

Paper abstracts for the conference
St. Petersburg, November 19–21, 2012

Санкт-Петербург
«Нестор-История»
2012

«Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык. Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург 19–21 ноября 2012 г. / Отв. ред. Е. В. Головки. СПб.: Нестор-История, 2012. – 100 с.

Редакционная коллегия: Е. В. Головки (отв. редактор),
М. Л. Лурье, М. З. Муслимов, С. А. Оскольская (секретарь)

Утверждено к печати Институтом лингвистических исследований РАН.

Издание подготовлено в рамках программы Научно-образовательного центра «Языковые ареалы России».

Издание осуществлено с оригинал-макета, подготовленного в ИЛИ РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Алпатов. Народная лингвистика в Японии и России.....	7
В. В. Баранова. Составление словаря и рождение нового языка V. V. Baranova. The compilation of a dictionary and the emergence of a new language	10
Н. Г. Брагина. Наивные толкования концептуальных слов N. G. Bragina. Naïve interpretations of conceptual words	11
Е. Л. Вилинбахова. Наивные правила употребления прописной и строчной буквы E. L. Vilinbakhova. Naïve rules of the use of uppercase and lowercase letters.....	14
Ю. Е. Галимина. Александр Котусов - единственный специалист по поэтическому переводу с русского на кетский J. E. Galiamina. Alexander Kotusov, the unique specialist in poetic translation from Russian into Ket	16
Е. Н. Геккина. Речевые ошибки как фокусы метаязыковой рефлексии E. N. Gekkina. Speech errors as the focus of metalinguistic reflection	18
В. А. Ефремов. О новых формах наивной лингвистики в эпоху Интернета V. A. Efremov. New forms of naïve linguistics in the Internet age....	19
Б. Л. Иомдин. Наивные представления о значениях слов B. L. Iomdin. Naïve ideas of word meanings.....	22
О. А. Казакевич. Обыденные представления селькупов, кетов и эвенков о языке и языках O. A. Kazakevich. Selkup, Ket, and Evenki speakers' ideas of the language and languages	24
Е. Д. Казакова. Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект E. D. Kazakova. A dictionary compiled by a dialect speaker: a pragmatic aspect	26
Е. И. Кислова. Представления о языках в церковной среде второй половины XVIII века E. I. Kislova. Ideas about languages in clerical environment of the second half of XVIII century.....	28

В. Б. Колосова. Этимологическая магия в славянской народной ботанике	
V. B. Kolosova. Etymological magic in the Slavic folk botany.....	30
Е. В. Колосько. Смысловые примитивы в толкованиях идиоматических выражений	
E. V. Kolos'ko. Semantic primitives in interpretations of idiomatic expressions	33
А. А. Лопухина. Изменение отношения носителей диалекта к своей речи	
A. A. Lopukhina. The change of dialect speakers' attitude to their speech	35
Л. И. Маршева. Церковнославянский язык сквозь призму народной лингвистики	
L. I. Marsheva. Church Slavonic language in the light of folk linguistics	37
Д. Ф. Мищенко. Профессия: информант	
D. F. Mishchenko. Profession: consultant.....	39
Г. А. Мороз. Адыгский, адыгейский, бесленеевский, уляпский: представления носителей уляпского говора о своем языке	
G. A. Moroz. Circassian, Adyghe, Beslenei, Ulyap: how the speakers of the Ulyap idiom see their own language	42
М. З. Муслимов, Д. В. Сидоркевич. Миноритарные прибалтийско-финские идиомы: есть ли жизнь после языковой смерти?	
M. Z. Muslimov, D. V. Sidorkevich. Minority Baltic Finnic idioms: is there life after language death?.....	44
Г. А. Некрасова. Диалектное членение коми языка	
G. A. Nekrasova. The dialect division of the Komi language.....	46
Д. Ю. Полиниченко. Народная лингвистика и любительская лингвистика	
D. J. Polinichenko. Folk Linguistics and Amateur Linguistics	48
С. В. Рябушкина. Склонение русских числительных как объект метаязыковой рефлексии	
S. V. Ryabushkina. The declension of Russian numerals as the object of metalinguistic reflection.....	50
Ю. А. Сафонова. Письмо о словах как речевой жанр	
J. A. Safonova. A letter about words as a speech genre.....	53

В. И. Семенова. Метафорический способ образования флористической терминологии в бурятском языке V. I. Semenova. A metaphorical way of the derivation of floristic terms in Buryat	55
Н. В. Сивицкая. Белорусские народные методы обучения языку и воспитания культуры речи N. V. Sivickaya. Belarusian folk methods of language teaching and of the cultivation of speech culture.....	58
Д. В. Сичинава. «Это уже плюсквамперфект»: лингвистический термин как образ публицистики и эссеистики D. V. Sitchinava. "This is the pluperfect": a linguistic term as an image of journalism	60
Г. Ю. Смирнова. Репрезентации в речи наивного счета до трех G. J. Smirnova. Speech representations of the naïve counting from 1 to 3	62
А. А. Сомин. «Диалектная чересполосица» и наивная диалектология A. A. Somin. "Dialect open field system" and naïve dialectology	64
А. И. Фалилеев. "Хвост старого Сатаны": Иоло Моргануг и валлийская суффиксация A. I. Falileyev. "The tail of the old Satan": Iolo Morganwg and the Welsh suffixation.....	67
Е. В. Хачатурян. «Народная» семантика в контексте многоязычия E. V. Khachaturyan. "Folk" semantics in multilingual context	69
И. А. Шаронов. О народной этимологии и количественных сочетаниях с прилагательным в русском языке I. A. Sharonov. On the folk etymology and quantitative combinations with the adjective in Russian.....	71
J. Becker. Language attitudes in Uganda – folk linguistics as an instrument to access people’s linguistic conduct.....	74
M. Coler. From tacit knowledge to quantitative data: Observations on a collaborative method to document the language and culture of lesser-known languages	75
E. Davidiak. Perception and production of code switching by bilingual speakers.....	76

A. Dehbozorgi. Socio-political factors for the preference of British English over American English: the case for Persian speakers of Iran	78
H. Favreau. Speakers' attitudes about language: generators or mirrors of sociolinguistic changes? The example of French	79
V.B. Gulida. Eliciting speakers' attitudes to Russian word stress patterns: folk linguistics and the spontaneity issue.....	81
N.V. Kuznetsova. Vowel reduction in Lower Luga Ingrian: scientific description and "folk" perception.....	85
C. Lybaert. Spoken Dutch in Flanders: perceptions and attitudes by non-linguists.....	88
R. Mitchell. 'Being Anglophone is not enough': language, nationality and group membership in Cameroon	89
C. Odé. Why there is no consensus on Tundra Yukagir orthography.	91
E.V. Perekhval'skaya. Suprasegmental characteristics: how they are viewed by the speakers	93
A. Prikhodkine. "Tell me your name and I'll say if you speak with an accent". Effect of proper names' ethnicity on listener expectations...	95
V. Serreli. On the role of attitude in vernacular language maintenance. An account from the oasis of Siwa	96
M. Willett. The phonaestheme /gl/: To what extent are English speakers aware of a meaning connection with 'light'?	98

Народная лингвистика в Японии и России

В. М. Алпатов (Институт языкознания РАН, Москва)

«Народная» лингвистика – совершенно естественное явление, широко распространенное у самых различных народов, в различных культурах, в различное время. Лингвисты, однако, на практике стараясь с разным успехом освободиться от ее влияния, мало обращают на нее внимание в теоретическом плане за редкими исключениями (Н.В. Крушевский, Р.О. Шор и др.).

В основе «народной» лингвистики лежит «свойственное наивному сознанию представление о естественно-необходимом характере его родной речи» [Шор 1926/2009: 33]. «Рефлектирующее над языковыми фактами наивное сознание» с трудом принимает то, что «в различных языках для обозначения одной и той же вещи применяются совершенно различные звуковые комплексы» [Шор 1926/2009: 6]. При столкновении же с чужими языками непривычное кажется «нечеловеческим», отсюда дразнилки, пародии на чужое произношение и пр. Отсюда же и стремление объяснить непонятные слова (не только чужого, но и своего языка) через уже известное. Так возникают народные этимологии, механизм которых одинаков для самых разных культур. Но, пожалуй, для наивного сознания сложнее всего представить, что кто-то мог бы не знать самые простые и понятные слова моего родного языка. На этом постулате также основываются при создании народных этимологий.

Вот несколько русских и японских примеров. Современный японец, столкнувшись за границей со словом *taverna*, связал его с *taberuna* – формой прохибитива японского глагола *taberu* ‘есть’. В середине XIX в. профессор Московского университета Ф.Л. Морошкин возвел фамилию Мартина *Лютера* к русскому прилагательному *лютый*. Презиравшие своих соседей – айнов японцы часто думали, что их самоназвание *ainu* представляет собой сочетание междометия *a* с японским *inu* ‘собака’, отсюда миф об их происхождении от смешения людей с собаками. Целый ряд «народных лингвистов» связывал *этрусков* с *русскими* или *руссами*.

В основе всех этих этимологий лежат два принципа. Первый – объяснение неизвестного через известное. Непонятное слово чужого или родного языка толкуется через хорошо известное автору этимологии слово. Второй принцип – фонетическое сходство (не обязательно полное, часто довольно

приблизительное, но достаточное для возникновения ассоциации между непонятным и понятным словом). Семантика играет подчиненную роль; она может подкреплять ассоциацию: слово *таверна* связана с едой, а Лютер по характеру был лютым. Но семантической связи может и не быть: тот же Морошкин фамилию философа *Фихте* возводил к русскому глаголу *пыхтеть*. Напротив, звуковое сходство часто приводит к придумыванию семантики, как это случилось с версией о происхождении айнов. Игнорируются как незнание другим этносом родного языка «народного лингвиста», так и исторические изменения в языках (об их существовании наивное сознание также не знает). Если кто-то утверждает, что *этруски* – *это русские*, он считает, что они говорили на единственно знакомом ему современном русском языке.

Наивное языковое сознание, включая вышеуказанные его черты, по-видимому, развивается в детстве у каждого человека, хотя степень склонности к «рефлексии над языковыми фактами» у разных людей различна. Не устраняет его и элементарное образование, оно лишь закрепляет в сознании представление о ведущей роли письменной формы языка. По-видимому, остается наивное сознание и при стихийном владении несколькими языками и даже при полиглотизме, делая лишь более богатыми возникающие ассоциации.

Разрушают наивные представления, прежде всего, сознательное изучение иностранных языков и лингвистическое образование. И всё-таки даже доктора филологических наук постоянно оказываются в двойственном положении. Лингвисту известно, что название швейцарского города и кантона *Золотурн* (Solothurn) не связано с русским *золото*, а не случайная для русского языка связь звуковых последовательностей *конь* и *грива* не отражена в английской фамилии *Конгрив* (Congreve). Однако каждый языковед одновременно является и носителем некоторого языка, и основанные на наивном взгляде на мир представления у него постоянно возникают. На них основано многое в поэзии, склонные к языковой рефлексии люди используют их для шуток и каламбуров, но серьезные исследователи не могут придавать им онтологическое значение. В разных странах, впрочем, отношение к этому неодинаково. В Японии упомянутый пример с таверной его автор-непрофессионал послал в научный журнал, где его всерьез опубликовали, что в Россию пока что вряд ли возможно.

Тем не менее, «народная» лингвистика никогда не исчезала и до сих пор разрабатывается многими. Среди авторов подобных работ есть и люди без образования, и специалисты в других науках вроде А.Т. Фоменко. Однако с позиций «народной» лингвистики могли подходить к объекту своих исследований и, казалось бы, профессионалы. Именно это произошло с Н.Я. Марром, многие этимологии которого совпадают с народными этимологиями дилетантов (происхождение имени *Глеб* от слова *хлеб*, те же *этруски* и пр.). Н. Я. Марр, разумеется, учитывал историческое развитие языков, но всё то же объяснение неизвестного через известное на основе звукового сходства происходило у него едва ли не в каждой оригинальной этимологии. Еще до разработки им «нового учения» Н.Я. Марр обнаружил в латинском слове *plebs* (собирательном по значению) показатель множественного числа в родном для него грузинском языке *-eb* и высказал на основе этого идею о яфетической принадлежности плебеев (в отличие от патрициев, которых он тогда еще считал индоевропейцами). Позже он находил на основе того или иного звукового сходства общность в русском, монгольском и китайском названиях коня. Он был полиглотом, но это его свойство лишь позволяло ему расширять свои ассоциации и связывать факты чужих языков с фактами языков, ему хорошо известных. И, лишь исходя из звукового сходства, Н.Я. Марр мог объявить смердов «иберио-шумерской прослойкой» русских [Марр 1934: 21-22], что из-за авторитета академика и его учения заставляло некоторых историков всё пересматривать. Нельзя отрицать значение ряда работ этого ученого по Кавказу, но всё же в отечественной науке XX в. Н.Я. Марр стал самым крупным представителем «народной лингвистики»,

В наши дни «народная» лингвистика скорее усиливается. Она активно используется как база для ненаучных положений об особой древности или особом «величии» того или иного языка или народа, что требует особого разговора. Но и помимо этого появляются заявления о том, что «при переходе к мягким системам постструктурализма и постмодернизма» «каждой безумной теории находится свое место», в том числе и теории Н.Я. Марра (В. Руднев, Ф.И. Гиренок). Представляется, что такие заявления опасны, поскольку означают возврат к донаучным принципам, к наивному сознанию, которое полезно для поэзии, но не для науки.

Литература

Март 1934 – *Март Н.Я.* Избранные работы, т. III. М.-Л., 1934.

Шор 1926/2009 – *Шор Р.О.* Язык и общество. М., 1926. Изд.3-е. М., 2009.

Составление словаря и рождение нового языка

В.В. Баранова (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

The compilation of a dictionary and the emergence of a new language

V.V. Baranova (ILS RAS, St. Petersburg)

The paper deals with the Russian-speaking communities which consider themselves to be a separate nation. Community members seek for specific cultural properties, including a different language, to prove their national identity. Specific language features are manifested in the dictionaries of these ‘languages’ that people from the communities compile. The principles of the compilation of such dictionaries will be discussed using as an example the so called “Katsky language dictionary”.

В последние годы пытаются заявить о себе группы, оцениваемые внешним наблюдателем как *русские* и *русско-язычные*, но обладающие вместо русской этничности или наряду с ней другой идентичностью, противопоставляющей сообщество окружающему населению. Некоторые из них стремятся получить официальный «этнический» статус: представители элиты казаков и поморов призывали указывать именно эти этнонимы в переписи населения 2002 года (Этнография переписи 2003). Другие группы не были представлены в переписи, но активно заявляют о своей специфике, как например старообрядческая группа усть-цилема. Представления об особой этничности группы возникают, как правило, на основе существующей региональной или диалектной групповой идентичности (вроде скобарей), но конструирование новых идентичностей зависит от активистов. Инициаторы дискуссий о положении той или иной группы апеллируют к особенностям сообщества, противопоставляющих его «русским» или «всем остальным русским». Набор подобных особенностей отчасти наследует советским этнографическим и историческим дискурсам. Особый язык группы служит одним из доказательств ее самостоятельности.

В докладе предполагается рассмотреть несколько подобных идиомов, наиболее подробно – т.н. «кацкий язык». Кацкий Стан (Кацкая волость) – неофициальное название расположенных на реке Кадка группы деревень Мышкинского, Угличского и Некоузского районов, с центром в с. Мартыново Мышкинского района, население около 400 человек. Возникновение «кацкой» идентичности представляет собой результат деятельности краеведа С.Н. Темняткина, создавшего в поселке Мартыново «Музей кацкарей», газету «Кацкая летопись», словарь кацкого языка и другие формы самопрезентации сообщества.

Представление об этнографической и лингвистической специфике кацкарей активно транслируются внутри сообщества. Занятия по кацковедению проводятся в детском саду и, более регулярно, в школе (в 7, 8 и 9 классах). Кроме того, дети присутствуют на сельских праздниках в доме культуры, бывают на экскурсии в музее кацкарей. У Кацкого Стана есть собственный гимн, описывающий особую речь кацкарей и древнюю историю группы. Грамматическое описание идиома и словарь выложены в интернете. В газете «Кацкая летопись» регулярно публикуются словарные материалы по кацкому языку в рубриках «Великий могучий кацкий язык» и «Перед уроком» (последняя представляет собой задания для школьных уроков кацковедения).

Деятельность по созданию словаря кацкого языка привела к популяризации идеи особого идиома в небольшом сообществе. В докладе рассматриваются механизмы отбора единиц кацкого языка в словаре как отражение народных представлений о языке, формы представления языкового материала, успешность проекта. В свете темы конференции планируется обсудить особенности и перспективы работы с подобными материалами.

Наивные толкования концептуальных слов

Н. Г. Брагина (РГГУ / ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва)

Naïve interpretations of conceptual words

N.G. Bragina (Russian State University for Humanities / The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow)

The paper analyzes the mechanisms of a naïve interpretation of such conceptual words as *любовь* ‘love’, *дружба* ‘friendship’ and

others. The naïve interpretation is opposed to the lexicographical description of the words in question.

Лексические концепты выражают мировоззренческие смыслы, в отношении них уместен вопрос: *Что есть Р?* (*любовь, верность, дружба, свобода...*). В отличие от других лексем (*асфальт, ручка, раскладушка, белизна, намерение, условие, усилие...*) они содержат нарративное ожидание, т.е. возможность нового истолкования. Они существуют в системе множественных интерпретаций и задают пространство для постоянного расширения интерпретативного поля.

Человку свойственно не только вопрошать: *Что есть Р?* (*любовь, верность, дружба, свобода...*), но и отвечать самому себе / другому на вопросы, вырабатывая «в процессе» ответа собственные мировоззренческие позиции. Концептуальные слова являются одним из наиболее сильных областей притяжения человека к тексту: через них / с их помощью он определяет и транслирует свое отношение к миру, к себе, к другому и т.д.

Соответственно концептуальные слова закономерно становятся одним из главных объектов метаязыковой рефлексии, т.е. многократных истолкований. Если этот феномен рассматривать в системе оппозиции лингвистическое vs. народное, то он реализуется в противопоставлениях лексикографического толкования – наивному толкованию.

Классическое лексикографическое толкование предполагает отражение интегрального и дифференциальных признаков слова, достаточных для определения его значения, реализуемого в совокупности употреблений, например, одно из значений слова *любовь* – это ‘Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола’ [Кузнецов 2009]. Наивные толкования концептуальных слов, как правило, имеют другую структуру¹. Часто – это метафорические определения: сложное объясняется через (более) сложное. Например: *Любовь – это: игра; искусство; свобода; жизнь; лес; пес из преисподней; ад и рай; девятый вал; химия; болезнь; желание жить; страшная мука; счастье; свет в ночи; яд; верность; работа; кровь...* В ряде случаев определяемое слово и слово, которое используется для

¹ Приводимые здесь и далее определения получены с помощью поисковой системы Яндекс. Пунктуационные особенности сохранены.

определения, могут взаимозаменяться, например: *искусство, свобода, жизнь, счастье, верность ...* – это любовь.

Другой тип истолкования – погружение в ситуацию. Как правило, оно вводится при помощи придаточного предложения: *это когда..., это если..., это то...* Например: *Любовь – это когда мы думаем о человеке 24 часа в сутки; Любовь – это то, от чего ты улыбаешься, даже когда устал; Счастье – это, если ты видишь его очень редко, тебе так хочется увидеть его, обнять и поцеловать.*

Другой тип лексикографических толкований – остенсивные толкования: в толковании значения слова участвует также изображение (рисунок, чертеж).

К остенсивным наивным толкованиям можно отнести некоторые «демотиваторы со смыслом», которые несколько отличаются от классических демотиваторов, представляющих собой разновидность сетевого юмора. Текст толкования-слогана вступает в определенные отношения с изображением (фотографией). При этом некоторые повторяющиеся изобразительные модели могут сопровождаться разными надписями. Например, под разными фотографиями, на которых сняты две вложенные одна в другую руки (два человека держатся за руки) могут быть такие комментарии: *Любовь... она начинается с доверия; Любовь... это держать его за руку, а слышать сердце; В этом одном жесте больше чувств, чем в тысячи словах и мириадах подарков.* Под разными фотографиями профиля влюбленных приведены толкования: *Любить значит перестать сравнивать; Взаимная любовь – наивысшее счастье. Если она у вас есть – берегите ее ... пожалуйста; Любовь – это когда однажды становится навсегда.*

В докладе предполагается подробно остановиться на механизмах создания наивных толкований концептуальных слов.

Литература

Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. Кузнецов С. А. М., 2009.

Наивные правила употребления прописной и строчной буквы (на материале конструкции с *x*-овой буквы *Y*)

Е.Л. Вилинбахова (СПбГУ)

Naive rules of the use of uppercase and lowercase letters (based on the material of the construction with the *x*-case letter *Y*)

E.L. Vilinbakhova (St. Petersburg State University)

The use of uppercase and lowercase letters in Russian can be either purely grammatical (uppercase letter in proper names) or intentional, showing author's ideology, religion, and feelings towards the described object (atheists writing *God* with lowercase letter). The meaningful cases are often accompanied with metalanguage expressions "with the uppercase / lowercase letter" that have gradually become an independent construction *with the x-case letter Y* with its own syntactic, semantic and pragmatic features. The analysis of this construction in Russian texts shows the naïve rules of the use of uppercase and lowercase letters that turn out to be quite different from grammatical rules. For instance, according to naïve rules, uppercase letters can be used with verbs and adverbs regardless of their position; lowercase letters show the inferiority of the referent; the size of the uppercase letters can vary from simply big to enormous, *etc.* Besides, the construction is often used for language games, where the uppercase letter is different from the first letter of the word, inviting the listener to infer the intended meaning.

Доклад посвящён наивным представлениям об употреблении прописной и строчной букв, реконструированным на основе анализа конструкции с *x*-овой буквы *Y* в текстах Национального корпуса русского языка (Далее - НКРЯ) и интернет-источников.

Научные орфографические правила выбора прописной / строчной буквы [Лопатин 2009] предполагают как «грамматически обусловленные» случаи, не несущие смысловой нагрузки (прописная буква в начале предложения); так и «семантически обусловленные», когда выбор прописной / строчной буквы привносит дополнительное значение и определяется авторским отношением, идеологией и т. д. (прописная буква в слове *Бог*). Если «грамматически обусловленные» случаи постоянны и однозначны, то «семантически обусловленные» случаи, во-первых, меняются (ср. написание слова *И*/император до и после *Р*/революции), во-

вторых, не очевидны и в устной речи требуют метаязыкового комментария. Постепенно метаязыковые выражения с *х-овой буквы У* проникают и в письменные тексты, а затем приобретают синтаксические, семантические и прагматические особенности, позволяющие трактовать их как единую конструкцию. Как оказалось, наивные правила употребления прописной и строчной буквы, выводимые из языкового поведения конструкции, во многом отличается от научных правил.

Синтаксически конструкция с *х-овой буквы У* – модификатор при именных группах, глаголах, наречиях, частицах *да* и *нет*. Таким образом, если научные правила исключают прописную буквы для глаголов, наречий и частиц, если это не обусловлено их позицией, то наивные правила её разрешают (1, 6).
(1) *Те задачи, которые Вы перед нами поставите, будут выполнены не просто хорошо, а хорошо с Большой буквы (Интернет)*

Конструкция содержит постоянную и переменную части. Постоянная часть представлена предлогом *с* и существительным буквы, а переменная – прилагательными *большой, заглавный, прописной, маленький, строчной* и т. п., но также *огромный, гигантский, очень большой*, и, факультативно, начальной буквой слова, к которому относится конструкция, или другого слова, т.е. по наивным правилам, размер прописной буквы может меняться от просто *большой* до *очень большой* и *гигантской* (2).

(2) *Вы певец не только с большой буквы, но и с гигантской буквы!!! (Интернет)*

Семантика конструкции состоит в характеристике особого представителя категории объектов или ситуаций, который либо отличается от рядовых её представителей, либо к ним принадлежит. Согласно наивным представлениям, прописная буква маркирует отличие в *соответствии* объекта *эталону* (3); в его *значительности* (4); в его *единичности* и *определённости* (5); в *интенсивности* его свойств (6); в его *высоком качестве* (7); строчная буква маркирует его *низкое качество* и даже *неполноценность* (8).

(3) *Знаю, что я романтик - до мозга костей, что верю в Настоящую Любовь с заглавной буквы (Интернет)*

(4) *Путь в Сантьяго-де-Компостелу становится событием с большой буквы, а не жалким подобием некоего забега на сверхдальнюю дистанцию (НКРЯ)*

(5) *А вот его преемник как раз и может оказаться тем самым Преемником (с большой буквы), о котором Путин объявил 12 февраля (НКРЯ)*

(6) *С Вашими рассуждениями про таких, как я, надо с большой буквы кричать (НКРЯ)*

(7) *«Коллективный гений» был (и признавал себя) «дилетантом», но <...> дилетантом «с большой буквы» (НКРЯ)*

(8) *Соглашусь с Вами в том, что женщина без мужчины, это женщина с маленькой буквы (Интернет)*

Конструкция может использоваться для языковой игры, основанной на совпадении первых букв объекта и атрибута (6), намёке на неприятное слово с той же или другой буквы, относящееся к объекту речи (10).

(9) *Женщина с большой Ж (Интернет)*

(10) *Чудак с большой М (Интернет)*

Наконец, данной конструкции соответствует особая интонация (11), т. е., по наивным правилам, прописная и строчная буквы используются не только в письменной, но и в устной речи.

(11) *Я говорю слово «Культура» с большой буквы (НКРЯ)*

Литература

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник // В. В. Лопатин (ред.). М.: АСТ, 2009.

Александр Котусов - единственный специалист по поэтическому переводу с русского на кетский

Ю.Е. Галямина (НИВЦ МГУ, Москва)

Alexander Kotusov, the unique specialist in poetic translation from Russian into Ket

J.E. Galiamina (Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University)

My report deals with the works by the unique Ket poet Alexander Kotusov. He lives in Kellog (the Turukhansk district of Krasnoyarsk kraj). While his main occupation is hunting, he is also known as a poet and a composer writing songs in Ket.

In his works Kotusov uses Ket musical and poetic traditions. Besides, a considerable part of his works is songs translated from Russian into Ket. He mainly translates pop songs and Russian bards' songs.

Alexander has never been taught to translate from Russian and

his translations are based on his language intuition and practice. He speaks Ket fluently which is very rare in his generation of 50-year-olds.

In the report I analyze the devices used by the poet for translating the Russian poetic text, such as adapting some Russian poetic images to the Ket language culture based on the main Ket poetic metaphors.

Moreover, the report focuses on the rhythmical and metrical structure of the Ket translation compared with the Russian original, the rhythms. The report considers the syntax of the Ket poetic text and some acceptable variations in it (poetic license) of which the author is aware.

During my presentation I will show the multimedia records of Alexander Kotusov singing.

Доклад посвящен творчеству единственного кетского поэта Александра Максимовича Котусова. Александр Максимович проживает в поселке Келлог Туруханского района Красноярского края. Основная профессия – охотник. Однако Котусов также известен как поэт и композитор, сочиняющий песни на кетском языке.

В своем творчестве Александр Максимович использует кетские музыкально-поэтические традиции. Кроме того, значительный пласт в его творчестве занимают переводные песни с русского языка на кетский. В основном Котусов переводит эстрадные песни или песни из репертуара русских бардов.

Александр Максимович никогда не обучался переводу и его опыты перевода поэтического текста основаны на языковой интуиции и опыте. Котусов блестяще владеет кетским языком, что для людей его поколения (около 50 лет) – большая редкость.

В докладе анализируются приемы, которые использует поэт для перевода русского поэтического текста. В частности, опыт адаптации русских поэтических образов к языковой культуре кетского народа, основанных на основных поэтических метафорах кетского языка [Лакофф, 2004].

Кроме того, рассматриваются вопросы о ритмическом и метрическом устройстве кетского перевода в сравнении с русским, о рифме. В докладе анализируется синтаксис поэтического текста на кетском языке и допускаемые изменения норм (поэтические вольности), осознаваемые автором. Также мною будут исследованы вопросы русских кодовых вставок,

допускаемых автором в поэтических переводных текстах [Muysken, 2000].

Также я продемонстрирую особенности процесса обратного перевода кетских текстов на русский в ходе расшифровки записей, сделанных лингвистами в ходе полевых исследований. В них содержатся авторские пояснения, связанные с переводом того или иного слова.

В ходе доклада будет продемонстрирована мультимедийная документация исполнения песен Александром Максимовичем.

Литература

1. Казакевич О. А., Будянская Е. М., Галямина Ю. Е. Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов. Публикация 1-я // Вестник РГГУ, №6/08 // Серия «Языкознание», МЛЖ, №10. - Москва, 2008. - С. 246-285.
2. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3. – Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж : ВГТУ, 2002. – С. 4-34.
3. Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. - М: «Наука», 1962.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004.
5. Muysken P. Bilingual speech: A typology of code-mixing. - Cambridge: Cambrige University Press, 2000.

Речевые ошибки как фокусы метаязыковой рефлексии

Е. Н. Геккина (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Speech errors as the focus of metalinguistic reflection

E. N. Gekkina (ILS RAS, St. Petersburg)

Speech errors are viewed as objects of criticism by speakers in their questions intended for the Service of the Russian Language and in discussions on the Internet. The types of most discussed speech errors are determined. The speakers can express a negative and a positive attitude to speech errors. So, two groups of speakers' substantiations related to language structure and communicative settings are investigated.

В докладе на материале метаязыковых высказываний в текстах средств массовой информации и интернет-коммуникации, в сопоставлении с архивными данными справочных служб ИЛИ РАН и информационно-образовательного сайта «Культура письменной речи» (www.gramma.ru), рассматриваются разновидности речевых ошибок и недочетов, являющихся объектами критики рядовых носителей русского языка. При этом типологический спектр объектов метаязыковой критики определяется как собственно языковыми единицами лексического и грамматического уровней, так и фигурами их выражения в устной и письменной речи (орфоэпический; графический, орфографии-ческий и пунктуационный аспекты).

Поскольку критические высказывания, отражающие отношение носителей русского языка к речевым ошибкам и недочетам, могут сопровождаться рационально и/или эмоционально мотивированными оценками, постольку в докладе уделяется внимание содержательным признакам и способам выражения «объяснительных» реплик. В частности, учитывается отнесенность используемых аргументов к структурно-языковой и/или жанрово-коммуникативной сфере, к сфере лингвистического описания (в научной и учебной литературе, в словарно-справочных изданиях) или к сфере индивидуального речевого опыта носителя (носителей) языка.

Субъекты метаязыковой критики не образуют однополюсное сообщество; соответственно, исследуются типологические предпочтения и мотивационные установки не только защитников «правильной речи», но и сторонников права на «безграмотность».

О новых формах наивной лингвистики в эпоху Интернета

В.А. Ефремов (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

New forms of naïve linguistics in the Internet age

V.A. Efremov (Hertzen Pedagogical University, St. Petersburg)

The Internet impacts contemporary language and speech providing some new forms of naïve linguistics: (1) *Jargon padonkaff*, the most striking example of naïve linguistics, can be studied as a type of language game or linguistic resistance (2) *Grammar Nazi* is an Internet community whose members are committed to aggressively

fight for the purity and correctness of the native language at any time, in any place, in any situation (3) *Linguistic trolling* is an Internet form of verbal aggression which is manifested by special forms of mocking and insulting behavior. Unlike other forms of trolling, the main reason of such baiting is individual's poor literacy or even the potential for typographical error.

Интернет оказывает все более серьезное влияние на язык и речь: начиная от появления новых речевых жанров, сфер и способов коммуникации и заканчивая падением уровня культуры речи и трансформациями разнообразных лингвистических компетенций языковой личности. Частным случаем влияния Интернета на язык и речевую способность становятся новые формы наивной лингвистики.

1) **Жаргон падонкафф (олбанский язык)** как способ языковой игры и/или языкового сопротивления возник в Рунете в начале XXI в. и уже подвергался научным описаниям. Это одна из наиболее ярких и известных форм наивной лингвистики в Интернете: его апологеты создали уникальный субязык (со своими морфологическими и орфографическими особенностями, собственным фразеологическим фондом), правила употребления которого регулируются довольно жестко. Интересно, что одной из черт олбанского заявлена «борьба за чистоту русского языка, избавление от американизмов и использования заимствованных слов» (http://lurkmore.to/Язык_падонков). Чаще всего жаргон падонкафф используется при написании комментариев к чужим текстам в блогах, чатах и на веб-форумах.

2) **Движение граммар-наци (Grammar Nazi)** – это интернет-сообщество, члены которого считают своей обязанностью бороться за чистоту и правильность родного языка в любых ситуациях, в любое время и на любых ресурсах, зачастую грубыми и агрессивными способами. Интересно, что в системе аргументации и рассуждениях о языке «грамматических нацистов» можно встретить подтасовку словарей (например, апелляция к В.И. Далю при определении современных сленгизмов), ссылки на старинные источники (А.Н. Афанасьев), на представителей фолк-лингвистики (Н.Н. Вашкевич, М.Н. Задорнов и др.), на несуществующие «правила русского языка» и мн. др. Зачастую рассуждения граммар-наци безапелляционны («На "спасибо" отвечать "не за что" не есть вежливо. Спасибо – вежливое слово, используемое для выражения благодарности. Произошло

от "спаси Бог". Отвечая "не за что", мы как бы отказываемся от доброго пожелания»). Один из наиболее показательных ресурсов: http://vk.com/global_grammar_nazi.

3) **Лингвистический троллинг** – разновидность особой, присущей только Интернету формы проявления издевательского и оскорбительного поведения. В отличие от других форм троллинга, главным поводом травли становится плохая грамотность или опечатка собеседника. При этом рассуждения самого агрессора о языке могут быть весьма далеки от реального положения дел. Лингвистический троллинг используют не только граммар-наци, но и просто агрессивные пользователи (*«А: В третьем предложении, после "и", необходима запятая. Так что, извини, ни фуя не понял.;-) В¹: Или всё-таки ПЕРЕД "и" не нужна запятая? :) В²: На мой взгляд, запятая не нужна ни перед "и", ни после...»*).

4) **Закон Годвина** – частная форма наивной лингвистики, связанная с особенностью развертывания именно интернет-полемики: «По мере разрастания дискуссии вероятность употребления сравнения чего-либо или кого-либо с нацизмом или Гитлером стремится к единице». Сформулированный в 1990 г. юристом и писателем Майклом Годвином, закон уже вышел за пределы интернет-сообщества (ср.: *«Состоялась традиционная перепалка с Гербер, которая сразу же попала под закон Годвина, начав троллить Гитлером»*).

В качестве примера в докладе используются материалы разнообразных интернет-дискуссий о языке. Так, в споре об анекдоте, написанном на ломаном украинском, обнаружен ответ, отражающий едва ли не все новации наивной лингвистики современной эпохи: *«Ви правильно попались на тонкий лингвистический троллинг. Ни словоформы їш, ни слова їсиш в украинском языке нет, -ш от русскоязычного словообразования есть - ешь. В украинском языке во 2-м лице настоящего времени существует форма їси без всякого ш. Так что знать нужно язык на котором разговариваешь. Это добавит Вам аргументов в спорах с «новыми филологами» Задорновской школы, утверждающими, что украинского, самостоятельного от русского, языка не существует»*.

Наивные представления о значениях слов

*Б. Л. Иомдин (ИРЯ РАН / РГГУ / НИУ Высшая школа
экономики, Москва)*

Naïve ideas of word meanings

*B.L. Iomdin (Institute of Russian Language RAS / Russian State
University for Humanities / NRU Higher School of Economics,
Moscow)*

The paper deals with the folk interpretations of the word meanings. The reasons that cause the difference between the use of a word in everyday speech and in professional speech will be discussed. The author will also offer the way of the lexicographical description of such words.

Академическая лексикография, как правило, опирается на данные художественных текстов и словарей предшествующих эпох. Между тем кажется необходимым учитывать и представления носителей о значениях слов (во всяком случае в некоторых областях – в частности, в предметной лексике).

В работах [Иомдин 2011, Иомдин и др. 2012], посвященных проекту создания словаря-тезауруса бытовой терминологии русского языка, приводится описание ряда методов работы с информантами, использующихся участниками проекта. Наряду со стандартными опросами (например, прямое обращение к носителям с просьбой назвать предметы, изображенные на картинке, или описание изображений, на которых изучаемый предмет находится не в фокусе внимания испытуемого, для выявления слов, наиболее часто выбираемых для описания сходных предметов), нами применяются и более оригинальные методы, основанные на изучении поведения участников языковых игр.

Так, ставшая в последнее время популярной игра «Шляпа» (или ее англоязычный аналог *Alias*) предполагает, что игрок должен за очень короткое время дать толкования наибольшему количеству слов так, чтобы его партнер правильно определил загаданные слова. Скрытый мониторинг игры позволяет лингвистам установить, какими стратегиями толкования пользуются носители языка, какие значения более актуальны в их сознании (в случае полисемии), а также – что наиболее интересно для лексикографа – как именно игроки понимают загаданные слова. При

модифицированной игре в “банальности” игрокам демонстрируется предмет и дается задание назвать его тем словом, которым его назовет большинство носителей (стимулом является получение очков, число которых соответствует числу игроков, выбравших то же самое слово). Изучение результатов игры позволяет выявить самое популярное, по мнению большинства участников, название предмета, отражает представления носителей о частотности и актуальности лексики и представляет ценную информацию для лексикографа.

Еще одна интересная проблема, пока привлекающая недостаточно внимания лингвистов, – массовые расхождения в употреблении терминов специалистами и непрофессионалами. Оказывается, многое, что нас окружает, мы называем «неправильно». Проведенные автором эксперименты подтверждают, что в большом числе случаев подавляющее большинство образованных носителей современного русского языка используют многие распространенные термины совсем не так, как специалисты соответствующих областей (биологии, анатомии, медицины, химии, физики, кулинарии, юриспруденции и др.). В докладе обсуждаются причины возникновения такого рода расхождений в бытовой и профессиональной речи (в большинстве случаев их появление подчиняется общим языковым закономерностям) и предлагаются способы их лексикографической трактовки.

Литература

- Иомдин Б. Л. Материалы к словарю-тезаурусу бытовой терминологии. СВИТЕР: образец словарной статьи // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. Отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: «Языки славянских культур», 2011, с. 392–406.
- Иомдин Б. Л., Лопухина А. А., Пиперски А. Ч., Киселева М. Ф., Носырев Г. В., Рикитянский А. М., Васильев П. К., Кадыкова А. Г., Матиссен-Рожкова В. И. Словарь бытовой терминологии: новые проблемы и новые методы // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2012» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.)*. Вып. 11 (18). М.: РГТУ, 2012, с. 213–226.

Обыденные представления селькупов, кетов и эвенков о языке и языках (из опыта полевой работы)²

О.А. Казакевич (НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова)

Selkup, Ket, and Evenki speakers' ideas of the language and languages (based on fieldwork experience)

О.А. Kazakevich (Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University)

The paper presents Selkup, Ket and Evenki speakers' ideas about local varieties of their ethnic languages, about comparative complexity and aesthetic hierarchy of the vernaculars used in each particular local community, about multilingualism, code-switching and code-mixing, the relation of language and ethnic identity, about language functions, as well as about mother tongue classes at local schools. The presentation is based on the data of sociolinguistic surveys conducted in 43 settlements of Krasnoselkup and Pur districts, Yamalo-Nents autonomous area, Taimyr, Evenki, Turukhansk and Yeniseisk districts, Krasnoyarsk territory, Upper-Ket and Kargasok districts, Tomsk region, in 1996-2012.

В докладе предполагается рассмотреть обыденные представления селькупов, кетов и западных эвенков о диалектном членении их этнических языков, относительной сложности и эстетической иерархии языков, представленных в отдельных локальных группах, о многоязычии, переключении кодов и языковом смешении, о связи языка и самоидентификации, о функциях языка, а также о школьном преподавании родного языка. Материалом служат данные социолингвистических обследований, проведенных в 43-х населенных пунктах на территории Красноселькупского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого АО, Таймырского, Эвенкийского, Туруханского и Енисейского районов Красноярского края, Верхнекетского и Каргасокского районов Томской области в течение последних полутора десятков лет.

² Доклад подготовлен в рамках проекта «Создание Интернет-ресурса "Малые языки Сибири: наше культурное наследие" (на материале языков бассейна Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)», грант РГНФ 12-04-12049в.

Наличие **локальных вариантов** этнического языка отмечается практически всеми полноценными носителями. При этом наиболее распространена оценка своего говора как *правильного, чистого*, а чужих как *неправильных, нечистых*. Неправильность и нечистота могут объясняться влиянием контактирующих языков: так, по словам жителей Тольки (Красноселькупский район), селькупские говоры Среднего Таза, Ратты и Пуровской Тольки «испорчены» оттого, что на Среднем Тазу селькупы смешались с ненцами, в Ратте – с эвенками, а в Пуровской Тольке – с хантами.

Оценка относительной сложности языков в контактных зонах их носителями, в том числе билингвами, в принципе совпадает с оценкой лингвистов: кетский язык считается наиболее трудным, эвенкийский – самым легким. При этом для кетско-селькупских билингвов Сургутихи (сегодня уже весьма немногочисленных) характерна более высокая **эстетическая оценка** селькупского языка по сравнению с кетским (селькупский *«красивее, приятнее на слух»*). В зонах селькупско-эвенкийских контактов эстетической иерархии не наблюдалось, но все наши респонденты в один голос утверждали, что эвенкийский язык легче селькупского.

Многоязычие вызывает, как правило, уважение, причем считается, что владение несколькими (пусть даже только двумя) языками способствует развитию умственных способностей человека. Однако наряду с этим, весьма распространен предрассудок, согласно которому дети могут хорошо усвоить русский язык только если не будут говорить на своем этническом. Этот предрассудок редко эксплицируется, но на практике при выборе языка общения с детьми большинство родителей руководствуются именно им.

Кодовые переключения отмечаются респондентами как в собственной, так и чужой речи, а о речи с большим количеством кодовых переключений говорят как о смешанном языке (*«Мы сейчас между собой обычно так вот и говорим, на смешанном языке: что-то на своем скажешь, что-то на русском, где как удобнее»*).

У многих наших респондентов **язык** оказывается одной из основных составляющих **этнической самоидентификации**. Нередко молодые люди, не владеющие своим этническим языком, указывают его в качестве родного (*«Раз я селькуп/кет/эвенк, значит и родной язык у меня селькуп-*

ский/кетский/эвенкийский»). С другой стороны, некоторые молодые люди (часто это выходцы из смешанных семей), считают себя русскими, так как не знают языка своих предков и говорят только по-русски.

Среди **функций языка** важнейшей признается коммуникативная. В ситуации языкового сдвига подчеркивается полезность знания этнического языка для ведения **тайных переговоров** в присутствии «непосвященных» (нередко, собственных детей).

Школьное преподавание родного языка большинством респондентов оценивается позитивно, но мало кто доволен тем, как это преподавание ведется. Практически все хотели бы, чтобы в их населенном пункте преподавался местный языковой вариант, а не тот, что представлен в учебниках.

**Авторский словарь диалектоносителя:
прагматический аспект**

*Е. Д. Казакова (Уральский федеральный университет,
Екатеринбург)*

**A dictionary compiled by a dialect speaker:
a pragmatic aspect**

E. D. Kazakova (Ural Federal University, Ekaterinburg)

The author analyses the pragmatic characteristics of the glossaries of “local” words compiled by dialect speakers and exemplifying the complex expression of the folk metalinguistic activity. Significant for the pragmatic aspect are the following data of the lexicographic work: the aim of the author; the notations of the author about expected reader; sociocultural and linguistic experience of the author (education, knowledge of the others varieties and so on). In terms of the author’s aim there are 3 kinds of glossaries: “glossaries-cabs”, explanatory dictionaries, and encyclopaedic dictionaries. The function of the reader, in author’s opinion, can be performed by the author oneself, fieldworker, scientific society, and general audience. Finally, authors’ sociocultural experience make glossaries different – they are either orientated to the scientific lexicographic position or do not show this orientation.

В докладе анализируются прагматические особенности словарей «местных» слов, составленных диалектоносителями и

являющихся примером комплексного проявления метаязыковой деятельности наивных носителей языка.

В прагматическом плане значимы следующие параметры авторской лексикографической работы:

- ✓ установка составителя словаря;
- ✓ представления автора о предполагаемом адресате;
- ✓ социокультурный и языковой опыт лексикографа (уровень образования, владения другими формами существования языка и др.).

С точки зрения **авторской установки** выделяются:

1) словарики-«шпаргалки» – небольшие списки слов, нередко без дефиниций, включающие в себя, как правило, 30–50 единиц. Они обычно не выстроены композиционно и предназначены для «внутреннего пользования»;

2) толковые словари – перечни слов, являющихся, по мнению составителей, «старинными» / «местными», и их «перевод» на современный / «городской» язык. При этом как «местные» авторы словарей могут квалифицировать литературные, просторечные и жаргонные слова. Гораздо реже наивные лексикографы не ограничиваются «местными» словами – и создают словари «языкового расширения» (ср. словарь А. И. Солженицына), куда помещается лексика без дифференциации по языковым идиомам, которая представляет личный языковой опыт автора;

3) энциклопедические словари, ориентирующиеся не столько на толкование выбранных автором слов, сколько на предоставление читателю максимально полной информации, которая связывается в сознании диалектоносителя с лексическими единицами. Помимо дефиниции в словарную статью могут входить: указание на ареал слова, этимологический, исторический или этнографический комментарий и т.д.

Могут быть выделены и более частные (специализированные) авторские установки – к примеру, на создание «мемуарного» словаря. Авторы таких словарей ориентируются не на оппозицию «старинное – новое», а на оппозицию «детское – взрослое», помещая в зону дефиниции развернутые комментарии о реалиях, с которыми связано детство лексикографа.

Ориентация автора на читателя связана с представлениями составителя о возможной аудитории, на которую нацелен его словарь, а именно:

- 1) на самого себя: запись слов для памяти;

2) на собирателей диалекта: текст строится с ориентацией на «городских»;

3) на научное сообщество: авторские интенции связаны с попыткой объяснения слов-«фантомов» путем обращения к собственному опыту наивного носителя;

4) на «широкую аудиторию»: авторы стараются максимально подробно представить через слово жизнь определенной местности, стремясь тем самым сохранить ее в памяти людей.

Социокультурный и языковой уровень лексикографа влияют на особенности квалификации слов как местных, а также на характер дефиниции и способ подачи слова в словаре. Таким образом, выделяются:

1) авторские словари, ориентирующиеся на научную лексикографическую традицию. В таких словарях заглавные слова стоят в начальной форме, даются подробные описательные дефиниции или же синонимические, указывающие на компетентность автора в «научном» разделении синонимов, которые относятся к различным пластам языка и т. д.;

2) словари, не имеющие ориентации на научную традицию. В качестве заглавных единиц в наивных толковых словарях могут выступать фразеологизмы, устойчивые формулы и речевые клише; заглавное слово может быть подано не в начальной, а в типовой форме употребления (например, глаголы не в форме инфинитива, а в «наиболее популярной» личной форме); словарные статьи могут располагаться не в алфавитном порядке, а по так называемым «ситуативным группам» etc.

Представления о языках в церковной среде второй половины XVIII века

Е.И. Кислова (МГУ)

Ideas about languages in clerical environment of the second half of XVIII century

E.I. Kislova (Moscow State University)

In the ideas about languages in the clerical environment of the 18th century, the changes that take place in the orientation of the church discourse on a particular type of culture are clearly reflected, as well as the ideas of the secular society and the government. The ideas in clerical environment were opposed to the scholarly ideas and reflected predominantly the folk view.

Программа обучения в церковных ученых заведениях (семинариях и духовных академиях) предполагала в XVIII веке не только теологическую, но и серьезную общегуманитарную подготовку, которая включала в себя изучение целого ряда языков (латыни, древнегреческого, древнееврейского, немецкого, французского, в некоторых случаях — языков народов России).

В докладе как на уже опубликованном, так и на архивном материале (РГАДА, РГБ) будут рассмотрены представления о различных языках в церковной среде 18 века. Каким образом осмыслялись те или иные языки применительно к церковной среде? Какой мыслилась их роль в церковном образовании? Как представления, связанные в обществе с "культурным ореолом" конкретного языка, влияли на его распространение, и какие модификации в осмыслении конкретных языков создавала культура русской Православной церкви 18 века?

1) "Языки богословия": латынь, древнегреческий и древнееврейский. Латынь, которая в светском дискурсе 18 века осмыслялась как язык науки, в духовной среде являлась базовым языком духовного образования и богословия в целом. Изменения, произошедшие в русской церкви в первой половине 18 века, радикально изменили отношение к "латинской учености" и, соответственно, к традициям западного богословия. Сложный путь проходит осмысление греческого: его преподавание усиливается только со второй половины 18 века, демонстрируя тем самым определенный возврат к представлениям о греческом как о "эталонном" сакральном языке православной церкви. Важное влияние оказывает и "Греческий проект" Екатерины II. Со второй половины века к двум языкам богословия добавляется древнееврейский, который, во многом под влиянием протестантских практик Европы, начинает преподаваться как язык, нужный для изучения библейских источников. Важные аспекты восприятия древнееврейского в церковной среде 1740-50-х гг. показывают материалы подготовки Елизаветинской библии и современные им проповеди.

2) "Европейские языки": французский и немецкий. Европейские языки и связанная с ними светская культура проникают в духовную среду во 2 половине 18 века, когда вводится их преподавание в семинариях и духовных академиях. При этом необходимость этих языков для духовенства требует отдельных объяснений; французские классы после Великой Французской революции в семинариях запрещаются и открываются вновь

только по личному указу Павла I. Немецкий язык остается на протяжении всего 18 века базовым для обучения студентов семинарий за границей. Связанная с этими языками культура по-разному осмысливается в церковной среде.

3) В провинциальных семинариях вместо древнегреческого и древнееврейского преподавались живые языки тех народов, которые становились объектом миссионерской деятельности (монгольский, татарский и др.).

4) Русский и церковнославянский языки: на протяжении почти всего 18 века русский язык как «природный», известный каждому из учеников «по умолчанию», не был предметом отдельного преподавания в духовных учебных заведениях. Дети, поступавшие в семинарии в возрасте 10-11 лет, уже должны были уметь писать и читать по-русски; русский также не был языком обучения, его место до конца 18 века занимала латынь. В подобном положении находился церковнославянский: несмотря на рефлексию, связанную с его осмыслением в светской культуре, в церковном дискурсе он оставался в положении священного языка, который, тем не менее, не требовал отдельного изучения и осмысления в рамках учебных курсов.

В представлениях о языках в церковной среде 18 века хорошо отражаются изменения, происходившие в ориентации церковного дискурса на тот или иной тип культуры, а также идеи светского общества и государства о том, каким должен быть представитель духовного сословия; влияние оказывало также развитие сравнительно-исторического языкознания, создание словарей и культурно-языковые модели светского общества. При этом представления церковной среды в определенной мере были противопоставлены научно-лингвистическому осмыслению языков и отражали преимущественно обыденные представления общества.

Этимологическая магия в славянской народной ботанике

В. Б. Колосова (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Etymological magic in the Slavic folk botany

V.B. Kolosova (ILS RAS, St. Petersburg)

The paper studies the role of etymological magic and folk etymology in the Slavic folk botany. The material is presented

by the plants' names that are connected with the magical use of the plants or which are found in folklore texts.

В докладе исследуется роль этимологической магии и народной этимологии в народной ботанике. Народная этимология понимается в ее расширительном значении: «в качестве единицы описания в данном случае выступает не лексическая пара семантически сближенных созвучных слов, а, как правило, целый, нередко достаточно пространственный текст, в пределах которого только и может быть выявлена мотивировка самого сближения» [Толстой, Толстая 2008: 226, 227]. Таким образом, в качестве материала привлекаются такие случаи, когда название растения вступает в сложные связи с магическим применением растения или/и обыгрывается в фольклорных текстах, а воздействие растения приравнивается к воздействию какого-либо иного предмета, имеющего схожее название.

Этимологическая магия может основываться не на самих фитонимах, но на словах, описывающих признаки растений или этапы их развития. Так, увидав первый огуречный цвет, следовало перевязать его ниткой из пояса с приговором: «Як густо сей пояс вязався, щоб так и мои огирки густо вязалась» [Чубинский 1872 (3): 185].

Наиболее информативными в плане изучения «конструктивной роли языка и его воздействия на формирование и функционирование народной культуры, народной психологии и народного творчества» [Толстой 1982: 399] представляются такие случаи, когда растение получает свое имя на основе какого-либо объективного признака, а затем это имя вступает в дальнейшие связи со словами и реалиями, «обрастая» вторичными ассоциациями и диктуя логику своего использования.

При изучении роли растений в этимологической магии важно проводить различие между случаями «чистой» этимологической магии, когда связь основана лишь на созвучии слов и не подкреплена какими-либо внешними признаками сопоставляемых реалий, и случаями ее сочетания с контагиозной магией, когда ритуально-магические действия основаны также и на внешнем сходстве предметов, играющем не менее важную роль, чем вербальные средства. Резкую границу между контекстами, имеющими большую или меньшую «долю» вербальной магии, провести невозможно; речь идет о шкале их сочетаний в разных пропорциях. В начале такой шкалы располагаются случаи ис-

пользования принципа *signatura rerum*, когда «сама природа, как верили... обозначила, к чему это растение может служить» [Machek 1954: 299], и, следовательно, «проговаривание», называние связи необязательно, а роль слова в ее осознании минимальна. На другом конце шкалы – ситуации, когда реалии, связь которых опосредована словом, не имеют ни внешнего сходства, ни сопоставимых атрибутов; таким образом, роль вербального компонента в их связи максимальна. Так, в обл. Карлово на новоселье «сперва вносили *suto*, “чтобы дом был *сытым*”, и *лук*, поскольку он приносил удачу (*сполука*)» [СДЗ: 413].

В качестве перспективных направлений темы можно назвать анализ распределения найденных контекстов по фольклорным и «этнографическим» жанрам (песни, заговоры, календарно-хозяйственные рекомендации и запреты, народная медицина и магия); соотношение данных устной традиции и материалов травников; относительная «доля» вербального и объектного компонентов в этимологической магии.

Литература

- Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: «Международные отношения», 2004.
- Толстой Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 5. С. 397-405.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. Народная этимология и этимологическая магия // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: «Индрик», 2008. С. 226-240.
- Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Т. 3. Народный дневник. СПб.: В типографии В. Безобразова и комп., 1872.
- Machek V. Česká a slovenská jména rostlin. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1954.

Смысловые примитивы в толкованиях идиоматических выражений

Е.В. Колосько (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Semantic primitives in interpretations of idiomatic expressions

E.V. Kolos'ko (ILS RAS, St. Petersburg)

The paper discusses the problems of the lexicographic presentation of Russian set combinations in educational dictionaries for foreign students. A semantic primitive interpretation complements a lexicographic interpretation, facilitating understanding of the functional feature of expression.

Представляемый доклад относится к области «народной лингвистики», так как составители словарей, будучи носителями языка, должны апеллировать к своему языковому сознанию, анализировать состав лексического значения, чтобы наиболее ясно и полно представить слово в словаре. Большую трудность вызывает толкование фразеологизмов для студентов-иностранцев, которые не владеют научным лексиконом, им зачастую не нужны пространные научные объяснения, но нужен четкий, простой ответ, что именно ему говорят и с какой целью.

Разработка толкований идиоматических выражений диалогической речи оказалась необходимой в процессе составления учебного словаря для студентов иностранцев. В этот словарь вошли связанные сочетания, состоящие из служебных слов, местоимений, междометий и др., которые в определенной коммуникативной ситуации имеют идиоматические значения. Они отличаются от собственно фразеологизмов отсутствием образности. Фразеологизмы русского языка, такие, как *ловить рыбку в мутной воде*, хорошо представлены в лексикографических изданиях. Но таких выражений, как *а ну тебя, как же, где ему, ну да* не найти в словарях. И даже если некоторые из них указаны в словарях современного русского языка, их толкование ограничивается указанием на эмоционально-оценочную часть значения (выражает негодование, восхищение и т.д.).

Немаловажная составляющая значения таких выражений - интенции говорящего: нежелание разговаривать, недоверие к словам собеседника, решительный отказ, подтверждение согласия и т.д. В словарных определениях тех выражений,

которые попали в словари, употребляются слова: возмущение, удовлетворение, угроза, приветствие, разочарование и др. В своем обиходном языке мы не пользуемся этими словами. Иностранцы, изучающие русский язык, также часто не владеют подобными лексическими единицами. Им трудно понять такие толкования, как *А ну-ка* - служит для побуждения кого-л., в том числе себя, к немедленному действию. Но им легко понять смысловой примитив "Давай, сделай это сейчас". Смысловой примитив дополняет определение устойчивого выражения, упрощает его понимание и способствует выработке адекватного поведения в стандартной коммуникативной ситуации.

В спонтанной речи коренные носители языка часто используют стандартные выражения, не задумываясь об их лексическом составе, грамматической сочетаемости, семантической точности. Только носитель языка понимает потенциал такого выражения, как *фу ты, ну ты*, может правильно употребить его в ситуации, когда есть необходимость выразить свое раздражение или презрение к заносчиво ведущему себя человеку. Для иностранцев, изучающих русский язык с нуля, не существует готовых речевых клише. Им нужно на примерах типовых коммуникативных ситуаций показать применение таких выражений. Причем, главное – не употреблять (это сложно), а правильно понимать смысл высказанного собеседником.

Смысловый аналог иногда нужен для более краткого и ясного истолкования выражения. *Чего (здесь, там) только нет!* Лингвистическое толкование - "Служит для характеристики полноты наличия чего-либо: вещей, продуктов и т.п." слишком сложное по сравнению со смысловым примитивом "Здесь есть все".

Лексика примитивного толкования должна отличаться максимальной простотой на уровне ядерного состава лексического поля языка. Пример комплексного толкования: *А ну тебя (вас, его, её)!* Выражает пренебрежение к кому-, чему-л., решительное нежелание продолжать какое-л. неинтересное, скучное дело, поддерживать бессмысленный разговор с собеседником или общаться с ним дальше. К этому определению прилагается краткое дополнение от лица говорящего (= Мне надоело. Я не хочу больше говорить об этом; не хочу общаться).

Таким образом, лексикографический способ представления этих единиц в учебном словаре должен включать в себя: орфографическую форму слов, описание всего возможного спектра прагматической информации, упрощенную фонети-

ческую транскрипцию, которая во многих случаях проясняет различное понимание смысла и в дополнение к общепринятому лексикографическому толкованию упрощенное толкование, уточняющее интенции говорящего.

Изменение отношения носителей диалекта к своей речи (на примере одного диалекта Архангельской области)

А.А. Лопухина (ИРЯ РАН, Москва)

The change of dialect speakers' attitude to their speech (the example of a dialect in Arkhangelsk district)

A.A. Lopukhina (Institute of Russian Language RAS, Moscow)

The paper deals with the dialect speakers' attitude to their speech using an example of a dialect in Arkhangelsk district. Their attitude is based on two oppositions — literary language vs. dialect and native dialect vs. other dialects. Within the first opposition, there are some sub-oppositions, such as old vs. modern speech, village vs. urban speech, cultural vs. uncultured speech.

В работах, посвященных изучению нормы, наряду с общеязыковой (литературной) нормой принято выделять региональную норму. В ряде случаев последняя может отличаться от первой, в таких ситуациях «отклонения» от общеязыковой нормы все же могут считаться правильными, нормативными, см. [Шмелев 2012: 592].

Диалекты обычно противопоставляются нормативному варианту языка. Так, например, в XVI - XVII вв., когда стали широко распространяться рукописи делового и бытового содержания, их авторы ориентировались на орфографическую традицию московского приказного языка. Несмотря на развитие региональных письменных школ и формирование региональных норм, наиболее престижным продолжал считаться язык московских деловых документов, см. [Копосов 2000: 50, 118].

В начале XX века во время диалектологических экспедиций на Север некоторые исследователи отмечали, что «сам народ отзывается о своем языке самым отчаянным образом. Везде уверяют... что «хуже нашей говори нет» или «наша нарицья сама последняя»» [Мансикка 1912: 89]. Получается, что носители диалекта осознавали свою речь как ненормативную в сопоставлении с общеязыковой литературной нормой.

Интересным показалось понять, меняется ли отношение носителей диалекта к своему варианту языка. Летом 2012 года во время диалектологической экспедиции филологического факультета МГУ в деревни с/с Тавреньга Коношского района Архангельской области были записаны высказывания местных жителей о том, как они оценивают свою речь. Характеристика диалекта его носителями строится на двух противопоставлениях: «диалект - литературный язык» и «свой диалект - другие диалекты».

Во второй оппозиции свой диалект выступает как *русской язык, всесторонний язык*, тогда как о носителях других говоров можно сказать, что *они говорили не по-русски, по своему-то говорили; у них выражение отлично вырисовывается* (отличается) и *скажут другое слово – совсем ломаное*. Интересно отметить, что местные жители определяют носителя другого говора, прежде всего, по фонетике: *в Слободе разговор другой, там говорят быстро, а на конце тянут; вот возьми Вологоцку облась, там обычно говорят на «о»...большинство акцент на «о»*. Лексические варианты, хоть и отмечаются информантами, но не воспринимаются ими как различающие диалекты.

Оппозиция «диалект - литературный язык» выражается у носителей говора в противопоставлениях «говорить старо - современно» (*вот я не знаю нонь современно - цяшка какая, а старо - дак вот блюдо*), «говорить некультурно - культурно» (*мы тараклами всё звали* (одежду), *не дошли еще до цивилизации, культурно-то говорить*) и «говорить по-деревенски - по-городскому» (*у нас по-деревенски называют всё*). При этом в высказываниях, где не актуализируется данная оппозиция, диалект характеризуется положительно: *много у нас словечек интересных; говор чистой только у нас, здесь говорят по-русски; у нас много можно научиться, можно хороша книга написать* (в контексте о диалектных словах).

Получается, что, осознавая отличие диалекта от литературного языка, носители диалекта уже не оценивают свою речь негативно. Возможно, для Архангельской области эта новая лингвистическая ситуация связана с популяризацией идеи создания особой этнической группы «поморов» и, как следствие, усилением внимания к языку, ср. диалог двух местных жителей:

— *Нас переуцили. Вот мы сейцяс ни туда ни сюда, ни вашим ни нашим. Мы-то сейцяс кем стали? Я не знаю.*

— *Помнишь, Поморьем мы хотели...хвастались, что запишут национальность «поморье»?*

Литература

- Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII – XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М., 2000.
- Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Академия Наук. Известия ОРЯС. 1912. Т. 17. кн.2, С. 86 - 144.
- Шмелев А.Д. Корпус или эксперимент? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2012». Вып. 11 (18). М.: РГТУ, 2012, С. 587 - 597.

Церковнославянский язык сквозь призму народной лингвистики

Л. И. Маршова (Православный Свято-Тихоновский Государственный Университет, Москва)

Church Slavonic language in the light of folk linguistics

L.I. Marsheva (Orthodox St. Tikhon State University, Moscow)

Modern demotic interpretation of the Church Slavonic language – liturgical language of Russian Orthodox Church, is poorly studied. Meanwhile, the analysis of its mechanisms could provide much useful information to clarify an important question of understanding of sacral and divine service's texts. These texts demonstrate that, quite often, a displacement of modalities take place, namely, that it is not the person who prays, but Lord, Virgin and Saints are delegated the status of the actor. This shift represents an interesting psycholinguistic (spiritual and linguistic) phenomenon.

Стоит признать, что современная народная интерпретация церковнославянского языка – литургического языка Русской Православной Церкви, является малоизученной. Между тем проникновение в ее механизмы дает немало полезной информации, связанной прежде всего с краеугольным на сегодняшний день вопросом понимания сакральных и гимнографических текстов.

Весьма примечательно то, каким термином определяют в настоящее время богослужебный язык. Малая часть называет его *церковнославянским*. Часто его квалифицируют как *славянский*.

Большинство же обывателей предпочитают термин *старославянский язык*, который, как известно, на самом деле обозначает язык первых – датированных IX-XI вв. – литературных переводов древнегреческих богослужебных книг.

В связи с этим становится до известной степени понятным, почему создателями литургического языка *Руси* почти всегда называются св. равноап. братья Кирилл и Мефодий. Многие считают их русскими по национальности, а в качестве их немонашеских имен приводят имена *Борис* и *Глеб*.

Вообще, в народе бытует устойчивое мнение о том, что Христос говорил если не на русском, то на церковнославянском языке. Широко известно название, которое дали русские паломники Иерусалиму, где Господь провел свои последние земные дни и принял крестные муки, – *Русалим*.

Обывателям свойственно всячески приближать древне-еврейские, древнегреческие и латинские реалии, которые широко упоминаются в Священном Писании и гимнографии, к окружающему их предметному миру. Иногда дело доходит до полной замены слов. См.: *Вот-вот, ребятишки там воскликнули, в Ирусалим-Граде, Христос на ослати, на муку крестную входит, а они с вербочками, с вайями... по-ихнему – вайя называется, а по-нашему – верба* (И.С. Шмелев. Лето Господне).

Так же, как и в русском языке, в церковнославянском механизмы паронимической аттракции направлены на сближение незнакомого слова с известным, что достигается фонетическими созвучиями и вольной сегментацией отдельных единиц и текста в целом: *Отложим по печению*; *Старцы с юннатами*; *По Кирику радуйся*. Подобные интерпретации всегда приводят к полному искажению исходного смысла и даже ироническому эффекту, который при этом не только не предполагается, но и не воспринимается как таковой. Ср.: *Отложим попечение* (Херувимская песнь); *Юноши и девы, старцы с юнотами, да восхвалят имя Господне* (Пс. 148, 12); *Паки реку: радуйся* (задостойник праздника Светлого Христова Воскресения). Ср. также: *Смотришь, смотришь – и думаешь: «Волсви же со звездою путеше-эствуют!...» Волсви?.. Значит – мудрецы, волхвы. А, маленький, я думал – волки* (И.С. Шмелев. Лето Господне) – *Волсви же со звездою путешествуют, нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог* (кондак праздника Рождества Христова). Очевидно, что к русским примерам данный тезис применим далеко не всегда.

Чрезвычайно показательно, как обыватели осмысливают грамматику церковнославянского языка и воспринимают его морфологические категории.

Отправной точкой довольно часто оказывается то, что анализируемый язык – язык *про Бога*. Отсюда становится понятным, почему в словосочетании *милость Божия* существительному приписывается мужской род: *Ведь милость-то от Бога*.

В церковнославянском предложении часто отсутствует формально выраженное подлежащее. В случае народного перевода на русский язык оно обычно представляет собой лично-указательное местоимение 3 лица – разумеется, независимо от формы глагола-сказуемого. Ср.: *Он показал образы Своего погребения – Образы погребения Твоего **показал еси*** (канон Великой субботы, тропарь песни 3). Тем самым достигается необходимая благоговейная дистанция между Богом и человеком.

С особой – *Божественной* – природой языка связано, по-видимому, и то, что обыватели «не замечают» специфических звательных форм, интерпретируя их как именительный падеж подлежащего, невзирая, как и в вышеуказанном случае, на императивную форму глагола. Ср.: ***Воскрес Господь, спас меня – Воскреси, Господи, спаси мя*** (Пс. 3, 8).

Таким образом, происходит не только смещение модальностей, но и наделение статусом активного деятеля не молящегося, а Господа, Богородицу и святых, что является любопытным психолингвистическим (духовно-лингвистическим) феноменом, который нуждается в разностороннем междисциплинарном анализе.

Профессия: информант

Д.Ф. Мищенко (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Profession: consultant

D.F. Mishchenko (ILS RAS, St. Petersburg)

The development of field linguistics has resulted in the generation of a special category of native speakers – consultants, for whom the work with a linguist becomes almost a professional activity. On the one hand, these people still do not possess any scientific linguistic knowledge; on the other hand, they adopt a point of view of a linguist who observes the object of research impartially. It cannot but split the identity of a person. One can assert that working as a consultant influences the language behavior of the speaker in the

communication with a linguist as well as in his everyday life, and changes her/his views of his language. In the paper, typical manifestations of such a behavior will be discussed, especially the examples of actual and imaginary linguistic insights.

Становление полевой лингвистики в её современном виде привело к формированию особой категории носителей языка – информантов, людей, для которых работа с лингвистом становится если и не профессиональной деятельностью, то, по крайней мере, осмысленным актом посредничества между исследователем и объектом исследования. Безусловно, единой методики работы учёного с информантом в полевой лингвистике не существует: каждая исследовательская группа выстраивает работу по своей модели, в зависимости от идеологии и практических соображений; можно отметить и национальную специфику работы лингвистов в полевых условиях. Однако несмотря на эти различия, можно говорить о том, что работа в качестве информанта неизбежно влияет на речевое поведение носителя как в ситуации общения с лингвистом, так и в повседневной жизни и изменяет его взгляд на собственный язык. В докладе будет предпринята попытка определить эти изменения на основании наблюдений, сделанных автором и его коллегами в ходе полевой работы с информантами – носителями различных языков и представителями различных культур.

Сама по себе полевая лингвистика как «комплекс лингвистических методов, направленных на самостоятельное творческое <...> изучение и описание живого языка, не являющегося родным для исследователя» [Кибрик 1972] отделяется от предшествовавших ей непрофессиональных миссионерских исследований с формированием новой методологии: в начале XX в. работа с информантом во время полевых исследований впервые выходит на первый план. Позже, во второй половине XX в., информант перестаёт быть для лингвиста просто средством доступа к языку. В это время впервые поднимаются вопросы этики поведения лингвиста (в частности, начинается известный спор о допустимости употребления термина «информант»), обсуждаются способы построения межличностных отношений между исследователем и информантом. Однако до настоящего момента в центре внимания теоретических и практических работ, посвящённых полевой лингвистике, оказывалась лишь одна сторона взаимодействия лингвиста с

информантом (в качестве характерного примера можно привести [Dimmendaal 2001]). Наблюдая поведение информанта, лингвист может скорректировать своё представление о допустимых пределах использования метода интроспекции, о размытости границы между грамматичным и неграмматичным и т.д. В то же время естественно, что и работа с лингвистом, в свою очередь, меняет отношение носителя к собственному языку. Необходимость осознать тот или иной факт языка, понять его место в структуре языка, дать ему оценку, делает из информантов специфическую категорию носителей: с одной стороны, они по-прежнему не обладают научными лингвистическими знаниями (а носители, даже в минимальной степени «испорченные» лингвистическим образованием, как известно, «хорошими» информантами быть не могут); с другой стороны, они принимают позицию учёного, отстранённо наблюдающего за объектом своего исследования. Такое промежуточное положение информанта отражается в самых различных аспектах его поведения, как бытового, так и языкового, что позволяет говорить о своего рода «профессиональной деформации» и формировании специфически-профессионального типа личности. В докладе мы рассмотрим наиболее характерные проявления такого поведения, в первую очередь, примеры реальных и мнимых лингвистических прозрений информантов, и обсудим последствия «профессионального статуса» информантов для результатов полевого исследования.

Литература

- Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М: Изд-во Московского университета, 1972.
- Dimmendaal, G. J. Places and people: field sites and informants // Paul Newman, Martha Ratliff (eds.). *Linguistic fieldwork*. Cambridge University Press, 2001. Pp. 55-75.

**Адыгский, адыгейский, бесленеевский, уляпский:
представления носителей уляпского говора о своем
языке**

Г.А. Мороз (МГУ, Москва)

**Circassian, Adyghe, Besleney, Ulyap: how the speakers of the
Ulyap idiom see their own language**

G.A. Moroz (Moscow State University)

This work deals with the conceptions that the speakers of the Ulyap variety of the Besleney dialect of the Kabardian language (Circassian < Northwest Caucasian) have about their language. Aul Ulyap is located in the Republic of Adyghea, and thus, all speakers of the Ulyap variety study Adyghe (Circassian) and Russian in school. Moreover, the sociolinguistic situation is complicated by the fact that speakers of both Adyghe and Kabardian languages consider themselves a single people that is called in both languages Adyg (not to be confused with adyghabze, the name for the Adyghe language).

Данная работа посвящена представлениям о своем языке и его месте среди других адыгских идиомов носителей уляпского говора. Материалы были собраны в ауле Уляп Красногвардейского района Республики Адыгея в ходе экспедиции Института лингвистики РГГУ в июле 2012 г.³

Уляпский говор традиционно причисляют к бесленеевскому диалекту кабардино-черкесского языка [Балкаров 1952: 96-99]. Кабардино-черкесский (кабардинский) язык вместе с близкородственным адыгейским языком составляют адыгскую (черкесскую) ветвь внутри абхазо-адыгской (западнокавказской) семьи. В абхазо-адыгскую семью также входят абхазский и абазинский языки (они составляют отдельную абхазскую ветвь) и вымерший убыхский язык. В ауле проживает 1545 человек (на январь 2003г.), в школьном преподавании используются русский язык (на уроках, в средних и старших классах), литературный адыгейский (на уроках по родной речи), и уляпский (в начальной школе используют). В работе [Балкаров 1952] перечислены аулы, в которых говорят на бесленеевском диалекте: Бесленей и Вако-

³ Экспедиция в республику Адыгея была осуществлена при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований, грант № А-23.

Жиле (Адыге-Хабльский район Кабардино-Балкарии), Кургоковское и Коноковское (Успенский район Краснодарского края), а также Ходзь и Уляп (Кошехабльский и Красногвардейский районы Республики Адыгея).

В адыгских языках есть общее понятие *адыгэ* /adəɣe/ ‘адыг’, которым обозначают адыгейцев, кабардинцев и часто убыхов. В этом контексте понятие *адыгабзэ* /adəɣabze/ ‘язык адыгов’ в уляпском говоре получает два значения: во-первых, это язык всех адыгов, а, во-вторых, так же обозначают литературный адыгейский язык, в основе которого лежит темиргоевский диалект. Однако, несмотря на это разделение, носители явно проводят различие между основными адыгейскими диалектами (темиргоевским, абадзехским⁴, шапсугским и бжедугским), а вот кабардинский язык они делят на нальчинский (т. е. распространенный в Кабардино-Балкарии) и «наш» (так говорят про аулы Ходзь, Блечепсин, Кошехабль, расположенные в Кошехабльского района республики Адыгеи). Свой язык одни уляпцы называют бесленеевским, говорят, что это отдельный язык, промежуточный между адыгейским и кабардинским, но ближе к кабардинскому. Другие считают, что они говорят на адыгейском языке, в котором есть черты кабардинского. На бесленеевском, по мнению носителей, на том же языке говорят в Успенском районе Краснодарского края в аулах Кургоковское (уляпское название *Бэчымзе* /beč'əmzje/) и Кургоковка (уляпское название *Кургъукъуе* /k'wəɣw'əq'je/). О языке аулов Ходзь, Блечепсин и Кошехабль носители говорят, что он является «нашим» кабардинским и не похож на уляпский (что входит в противоречие с [Балкаров 1952]), но и от нальчинского кабардинского сильно отличается.

Носители отмечают, что старшее поколение женщин, которых как невест привезли из других аулов, менее охотно учит и переходит на уляпский говор, в отличие от невест молодых; рассказывают о женщинах, которые всю жизнь говорили на темиргоевском диалекте и так и не перешли на уляпский. В связи с этим в речи некоторых носителей иногда можно встретить темиргоевские или бжедугские заимствования, которые дети слышат от матери или бабушки. В речи носителей очень

⁴ Консультанты признаются, что не очень чувствуют разницу между темиргоевским и абадзехским диалектами, но уверены в существовании различий.

частотны русские заимствования, но к смене языкового кода относятся нейтрально.

При обучении литературному адыгейскому языку у детей возникают проблемы из-за большого объема адыгейского алфавита (66 единиц), несоответствия лексической базы и консонантных систем (уляпским лабиальным спирантам *v*, *f* и *f* соответствуют «сложные» адыгейские лабиализованные свистяще-шипящие спиранты *ž^w*, *š^w* и *š^w*).

Литература

Балкаров Б. Х. (1952). Особенности бесленеевского диалекта кабардинского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: ИЯ АН СССР.

Миноритарные прибалтийско-финские идиомы: есть ли жизнь после языковой смерти?⁵

М. З. Муслимов, Д. В. Сидоркевич (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Minority Baltic Finnic idioms: is there life after language death?

M. Z. Muslimov, D. V. Sidorkevich (ILS RAS, St. Petersburg)

The paper discusses the problem of language description after language death, i.e., after all speakers of a language are gone. Possible approaches to linguistic research under this condition are discussed using an example of four minority Baltic Finnic idioms. The situations when there are still some people who remember just several words and phrases will be also considered in this presentation.

Исследователь, занимающийся изучением миноритарных прибалтийско-финских языков, часто сталкивается с проблемой отсутствия компетентных информантов. Ситуация, в которой ему в большинстве случаев приходится работать, — это ситуация языкового сдвига в последней стадии, а в отдельных

⁵ Исследование проведено при поддержке гранта ACLS "Documentation of Finnic Dialects of Ingria: Ingrian Dialectal Atlas", гранта РФФИ 11-04-00172а "Системное описание фонологии, морфонологии и синтаксиса прибалтийско-финских языков Ингерманландии", а также НОЦ ИЛИ РАН "Языковые ареалы России".

случаях — ситуация языковой смерти. Какого рода информация может быть собрана тогда, когда в распоряжении исследователя уже не может быть живых носителей языка? Является ли ситуация полностью безнадежной или все-таки существует вероятность собрать более или менее достоверный материал если не сугубо грамматического, то хотя бы диалектологического характера? В этом докладе мы решили упорядочить собственный опыт столкновения с частными случаями языковой смерти на примере нескольких миноритарных прибалтийско-финских идиомов.

Первый из рассматриваемых случаев — ордежский диалект ижорского языка. Работу с последними носителями данного идиома в 60-е гг. XX в. проводил А. Лаанест [Лаанест, 1966]. В 2009 г. мы предприняли попытку собрать сведения о современном состоянии идиома. Второй случай относится к числу прежде не рассматривавшихся в литературе — это «осколок» сойкинского диалекта ижорского языка, носители которого проживали в д. Ленинградка в Омской области после добровольного переселения в Сибирь в первом десятилетии XX в.. Третий из идиомов — идиом ингерманландцев в Сибири — представлен двумя разными ситуациями: в деревнях в окрестностях ст. Колония в Калачинском районе Омской области и д. Верхний Суэтух в Каратузском районе Красноярского края. Языковой сдвиг для всех четырех ситуаций, по всей видимости, завершился в первые послевоенные десятилетия, а смерть последних полноценных носителей относится к концу 70-х — началу 80-х гг. XX в.. Первоочередной задачей в процессе полевой работы был поиск живых носителей языка, но постепенно акцент с чисто лингвистической проблематики сместился в сторону вопросов более общего характера. Эти вопросы могут быть отнесены к сфере интересов народной лингвистики. Общим фактором для всех четырех ситуаций, помимо ПФ идиомов в ситуации завершившегося языкового сдвига с примерно одинаковой датировкой, было наличие в окружении носителей других ПФЯ.

Также представляют интерес случаи, когда полноценных носителей языка уже нет, но есть информанты, которые слышали этот язык в детстве и помнят его отдельные фрагменты. Насколько такое «остаточное» знание языка отражает существовавший ранее, но исчезнувший идиом? Хорошим объектом для такого исследования является хэвасский диалект ижорского

языка. К 2002 г. в деревнях на территории прежнего распространения этого диалекта (долина р. Коваши) почти не осталось полноценных носителей, однако было несколько информантов, которые помнили отдельные слова и выражения этого диалекта. С другой стороны, этот же диалект был описан Лаанестом в [Лаанест, 1966; Laanest, 1986], что позволило осуществить сравнение реально существовавшего хэвасского диалекта и воспоминаний информантов о нем. Анализ собранного материала показал, что даже в этом случае можно надеяться на получение нетривиальной информации, в первую очередь диалектологической и лексической, и отчасти даже морфологической.

Литература

Лаанест А. *Ижорские диалекты*. Таллин, 1966.

Laanest A. *Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia*. Tallinn, 1986.

Диалектное членение коми языка (по данным народной лингвистики)

*Г. А. Некрасова (Коми научный центр УрО РАН,
Сыктывкар)*

The dialect division of the Komi language (based on folk linguistics data)

G. A. Nekrasova (Komi research center RAS, Syktyvkar)

Although both linguists and native speakers consider the Komi dialects to have much in common in phonetics, lexicon and grammar, the folk dialect division of the Komi language differs from the one elaborated by the scholars. Moreover, there are several views of the dialect division among the speakers. The talk deals with the comparison of the Komi dialect division from the point of view of linguists and of native speakers.

Современный коми язык представлен совокупностью взаимосвязанных территориально-языковых разновидностей. Традиционно выделяется десять диалектов: нижневычегодский (нижнее течение Вычегоды), верхневычегодский (верхнее течение Вычегоды), вымский (бассейн р.Вымь), печорский (р.Печора), ижемский (р. Ижма), верхнесыольский (верхнее течение

Сысолы), среднесысо́льский (среднее течение Сысолы), лузско-летский (рр. Луза, Летка), присыкты́вкарский (территория г. Сыкты́вкара и его окрестностей) и удорский (территория Удоры). По комплексу признаков диалекты объединяются на северную (вымский, ижемский, удорский, нижневычегодский) и южную (среднесысо́льский, верхнесысо́льский и лузско-летский) группы. Центральное место занимает присыкты́вкарский диалект, легший в основу литературного языка [Ляшев 1980: 5].

Диалектное членение коми языка в народной лингвистике не совпадает с общепринятым научным членением, более того, оно имеет несколько вариантов. Признавая существование территориальных разновидностей коми языка, наивный носитель языка, который не занимается профессионально изучением и преподаванием коми языка, как правило, не имеет полного представления об их числе, нередко о специфических чертах и особенностях диалектных систем.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие предварительные выводы.

1. Диалектное членение коми языка соотносится с административно-территориальным делением Республики Коми, количество диалектов приравнивается к количеству муниципальных районов («в каждом районе говорят по-своему»). Основанием для таких суждений явилась значительная территория проживания коми-зырян.

2. Диалектное членение сводится к выделению диалектных зон на основе некоторых общих языковых особенностей. В диалектную зону включаются два-четыре традиционно выделяемых диалекта. Зоны образуют территориально смежные диалекты: сысо́льский и присыкты́вкарский; нижневычегодский и вымский; нижневычегодский, верхневычегодский и вымский; присыкты́вкарский и среднесысо́льский; среднесысо́льский, лузско-летский, верхнесысо́льский. Такая картина диалектного членения коми языка близка к первым опытам описания территориальных разновидностей коми языка [см., например, Савваитов 1850: II-IV].

3. Отмечается самоидентификация ижемцев в качестве отдельной этнической группы со своим языком, отличным от коми-зырянского. Носители ижемского диалекта считают себя коми-ижемцами, а свой язык – ижемским.

4. Коми-пермяцкий язык осознается как территориально-языковая разновидность коми языка на основе его террито-

риальной близости к коми-зырянским диалектам и языкового сходства с ними.

5. Названия диалектов и диалектных зон соотносятся в основном с названиями муниципальных административно-территориальных образований: усть-вымский (нижневьчегодский, вымский), койгородский (верхнесыольский), усть-сыольский (присыктывкарский, среднесыольский), южный (верхнесыольский, среднесыольский, лузско-летский).

6. Лингвистическими критериями диалектного членения являются особенности произношения и лексики. Приводятся лексемы, замещающие друг друга в разных диалектных системах, интонационные особенности.

Народные представления о близости коми диалектов совпадают с научными данными. Коми диалекты обнаруживают значительную близость в лексике, фонетике, грамматике.

Литература

Ляшев В. А. Диалектное членение древнекоми языка. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 60. Коми филиал АН СССР. Сыктывкар, 1980.

Савваитов П. И. Грамматика зырянского языка. СПб., 1849.

Народная лингвистика и любительская лингвистика

Д. Ю. Полиниченко (ФГБОУ ГПО «Кубанский государственный технологический университет»)

Folk Linguistics and Amateur Linguistics

D. J. Polinichenko (Kuban State Technology University)

The notion of folk linguistics will be discussed in opposition to amateur linguistics and professional linguistics. The problem of “the true language” will be in the focus of the talk. The attempts to find the “true language” might be the base for the theories of amateur linguistics.

Исследование метаязыковой рефлексии рядовых пользователей языка вызвало к жизни такие термины, как «народная лингвистика», «обыденная лингвистика», «бытовая лингвистика», «наивная лингвистика» и другие. Подавляющее большинство исследователей, употребляющих эти термины, подразумевает под

ними метаязыковые представления или метаязыковую деятельность рядовых пользователей языка.

Метаязыковые представления можно разделить на неосознанные и осознанные [Лебедева 2009]. Первые не поддаются прямому наблюдению и реконструируются лингвистами. Знание же осознанное вербализуется в эксплицитных формулировках, даваемых членами соответствующего языкового сообщества.

Думается, однако, что в случае осмысления собственной метаязыковой деятельности, при котором рядовой пользователь языка предпринимает попытки самостоятельного исследования языковых фактов и их обобщения, мы сталкиваемся с феноменом, которому необходимо дать собственное название, отграничив его от родственных, но не тождественных ему проявлений метаязыковой рефлексии.

Подобное обыденное теоретизирование высшего порядка, называемое нами любительской лингвистикой, имеет смысл рассматривать либо как часть народной лингвистики, либо отдельно, выстраивая ряд «народная лингвистика – любительская лингвистика – профессиональная лингвистика».

В. Б. Кашкиным были выделены мифологемы и системы мифологем, в которых кристаллизуются представления «наивного» пользователя языка [Кашкин 2002]. При изучении современных российских любительских лингвистических концепций было обнаружено, что в них широко представлены две мифологемы из этого ряда: это представление о естественной связи слова и вещи, которое оно обозначает, и оценочная мифологема (подробнее см. [Полиниченко 2009]).

Первая мифологема проявляется в идеях о существовании некоторого «истинного» языка, который «по-настоящему» описывает действительность. Это может быть как один из живых языков (русский, арабский, санскрит), так и некий праязык, породивший современные языки. Данный «истинный» язык рассматривается как изначальный универсальный код, использование которого для номинации раскрывает сущностные свойства номинируемого объекта.

Оценочная мифологема также характерна для многих концепций любительской лингвистики. Объектом оценки становится в первую очередь русский язык. Некоторые авторы полагают, что русский язык лучше всех иных языков сохранил в себе элементы индоевропейского или даже всеобщего человеческого праязыка. Часто встречающимся утверждением

является тезис о том, что русский язык является языком-прародителем других языков, в первую очередь индоевропейских. Также русскому языку приписывается обладание характеристиками, возвышающими его над другими языками.

Таким образом, представляется, что языковые мифологемы являются материалом, на основе которого формируются теории современной отечественной любительской лингвистики. Также можно отметить сильное сходство направления мысли представителей современной любительской лингвистики и их идейных предшественников XVIII–XIX вв. (В. К. Тредиаковский, А. С. Шишков и др.).

Литература

- Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Аспекты метакommunikативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 4–34.
- Лебедева Н. Б. Структура языкового сознания и место в ней метаязыкового компонента // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 61–66.
- Полиниченко Д. Ю. Фольк-лингвистика как объект научного изучения // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 67–87.

Склонение русских числительных как объект метаязыковой рефлексии (по материалам Интернет-форумов и блогов)

С. В. Рябушкина (Ульяновский государственный университет)

The declension of Russian numerals as the object of metalinguistic reflection (based on materials of Internet forums and blogs)

S. V. Ryabushkina (Ul'janovsk State University)

The Numeral is a group of semantically arranged words describing a decimal numeric system. Numerals have certain

peculiarities characteristic of terminology (absence of polysemy, homonymy and synonymy, clear relationships within the members, etc.). The formal properties of Russian numerals are conditioned by a long history of their development and can seem sophisticated, illogical, thus calling for various metalinguistic commentaries. The most frustrating are complex numerals (the clash between the system and the literary norm). The Internet bloggers are trying to explain the forms of declension, possible interferences, and suggest computer declension programs.

Имена числительные – это, пожалуй, самая четкая по своей семантической организации группа лексики, отражающая десятичную счетную систему и имеющая ряд признаков, характерных для терминологических систем (моносемия, запрет омонимии и синонимии, четкость соотношений между элементами и проч.). Но грамматическое устройство числительных, особенности которого не всегда можно объяснить с синхронной точки зрения, кажется носителям языка сложным и часто вызывает метаязыковые реакции.

Главная трудность – склонение многокомпонентных числительных, точнее несоответствие узуса требованиям литературной нормы: «Вы когда-нибудь встречали человека, который бы без специального обучения правильно склонял все числительные?» (Marcus; 21.01.2011; <http://masterrussian.net/f15/склонение-числительных-17906/>)⁶; «...анекдот, распространенный в свое время среди западных славистов – Если человек правильно склоняет русские числительные, то он американский шпион» (Dee-lite; 06.08.2002; <http://forum.exler.ru/arc/index.php?s=0&showtopic=18033&st=0>).

Форумяне спрашивают: «Постоянно в СМИ читаю и слышу: *пятиста книг, семиста шестидесяти тонн* и т. п. Насколько я знаю, правильная форма родительного падежа составных числительных ... *пятисот, восьмисот*... Или я отстала от жизни и утвердились новые нормы?» (Элен; 17.07.2012; <http://russ.hashcode.ru/questions/tagged/числительные/>); проводят конкурсы-опросы: «Итак, всё-таки *пятисот* или *пятиста*?» (Antokoff; 26–27.09.2008; <http://www.omedb.ru/forum/index.php?showtopic=7584&pid=>); предлагают интеллектуальные игры-головоломки: «пятничная

⁶ В сообщениях сохранена авторская орфография и пунктуация. В скобках указан никнейм автора, дата создания сообщения и URL.

игрушечка» – «а не желаете ли проверить собственную грамотность? предлагаю в письменном виде просклонять числительное "шестьсот восемьдесят четыре"» (marutsya; 16.10.2008; <http://marutsya.livejournal.com/68312.html>); пытаются найти объяснение своего варианта склонения: «Ведь я точно знаю, что нужно говорить "нет у меня ста рублей, нет семи рублей", так почему склоняют "семисот семидесяти семи рублей", а не "семиста семидесяти семи"? ...ох, не нашла я в словаре "семиста", лишь "семисот"... ну а какже тогда "ста рублей нет"...» (<http://lagneo.ru/880802/1/Sklonienie-chislitelnih>). И делают вывод: «Склонение числительных вытекает из логики языка. Если человек остановится и задумается, как следует их склонять, он скорее всего сам дойдет до этих правил даже если отродясь не изучал формальную грамматику. Другое дело, что для досконального следования этой логике надо сильно напрягать внимание» (it-ogo; 21.01.2011; <http://masterrussian.net/f15/склонение-числительных-17906/>). А для программиста языковая проблема становится творческой задачей: «Вот вам шпаргалка... Могу с уверенностью сказать, что такого могучего инструмента по автоматическому склонению числительных во всём русскоязычном интернете доселе не было» ([Lexxus](#); 15.05.2011; <http://live.mephist.ru/?mid=1305474686>); и [Lexxus](#) предлагает программу «Наименования и склонения числительных» (<http://live.mephist.ru/show/number-naming/>).

«Проблема двухтысячных» также вызывает бурную реакцию: «Меня, если честно, больше всего коробит как наш народ склоняет числительные: "В двухтысячно девятом году"» (Фил; 03.09.2009; <http://portal.san.ru/forums/index.php?act=Print&client=printer&f=33&t=129806>); «У нас всё областное руковоЦЦтво вещает "двухтыщ шестой (седьмой, девятый и т.д)". Ни разу не слышал, чтобы правильно сказали» (Nobrain-Nopain; 17.04.2010; <http://rock.ru/forum/index.php?action=printpage;topic=30508.0>).

Письмо о словах как речевой жанр

Ю. А. Сафонова (РГРК «Голос России»)

A letter about words as a speech genre

J. A. Safonova (Radio "The Voice of Russia")

The paper studies speakers' reflection on their language, specifically on the norms of the "right" speech. The research is based on the corpus of "The Radio Russia" listeners' questions and answers related to the Russian language. Listeners' letters are also taken into account.

1. Отношение говорящих к языку: их речевое поведение, речевые оценки и рефлексия – актуальный аспект исследования речевой практики [см., н-р, Вепрева 2005; Кронгауз 1999; Мечковская 2006], что обусловлено и экстралингвистическими причинами (количеством носителей русского языка вне России). «"Случайно-естественные мнения", отражающие и выражающие языковой опыт, так сказать, в чистом виде» [Костомаров, Шварцкопф 1966: 24; Шварцкопф 1971], не всегда доступны для наблюдения [но см.: Коготкова 1984]. Материалы радиопередач «Русский устный» и «Грамотей» представляют корпус таких «случайно-естественных мнений», обыденных представлений о языке в основном тех, кто живет вне России (РГРК «Голос России» традиционно относят к так называемому инновещанию).

2. Корпус, собранный за девять лет эфира (более 340 часов, 140 – прямой эфир), включает собственно эфирные (ответы слушателей на вопросы ведущих и вопросы ведущим) и внеэфирные материалы (письма слушателей - более 700).

3. Анализ вопросов слушателей и поиск ответов на них позволил: 1) установить источники и причины рефлексии носителей языка (детский речевой опыт; несоответствие речевой практики опыту носителей; медийная псевдолингвистика; чтение; праздная любознательность и др.); 2) уточнить репертуар лексикографических источников для трансляторов норм и определить лакуны в таких источниках.

Для формирования представлений носителей о языке, в том числе социально значимых знаний о норме (о культуре речи) необходимо прежде всего объяснять причины распространенных ошибок, обращаясь к системно-структурным закономерностям языка (ср. принятую практику указывать, как *надо* говорить).

4. Проанализированы: 1) оценки языковой ситуации в России (в частности, сравнение культуры речи в СССР и новой России; состояние преподавания русской словесности) [см. Басовская 2001а, 2011б]; 2) предложения по улучшению ситуации; 3) самооценки речевой компетентности (самоанализ собственного речевого опыта); 4) самонаблюдения за речевым поведением; 5) навыки поиска лингвистической информации в процессе выполнения заданий, предложенных слушателям; 6) оценки трансляторов нормы (ведущих радио-, телеэфира).

В результате определены параметры речевого жанра «письмо о словах».

Литература

- Басовская Е. Н. Вопросы культуры речи в советской прессе (вторая половины 1940 – начало 1950-х годов) // Вестник РГГУ. № 6 (68)11. Сер. «Журналистика. Литературная критика». М.: РГГУ, 2011а. С. 113-122
- Басовская Е. Н. «Чистота языка» как пропагандистский повод // Вестник РГГУ. № 6 (68)11. Сер. «Журналистика. Литературная критика». М.: РГГУ, 2011б; С. 205-221
- Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-Пресс, 2005
- Коготкова Т. С. Письма о словах. М.: Наука, 1984
- Костомаров В. Г., Шварцкопф Б. С. Об изучении отношения говорящих к языку // Вопросы культуры речи. Вып. 7. М.: Наука, 1966. С. 23-36
- Кронгауз М. А. Критика языка // Логос: философско-литературный журнал. № 3 (13). М.: Изд-во «Дом интеллектуальной книги», 1999. С. 133-146
- Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. № 2 (12). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Языки славянской культуры, 2006. С. 165-185
- Шварцкопф Б. С. Оценки говорящими фактов речи (лингвистический аспект). АКД. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1971
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Гольдин В.Е. (ред.) Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88-111.

Метафорический способ образования флористической терминологии в бурятском языке

В. И. Семенова (Иркутский государственный университет)

A metaphorical way of the derivation of floristic terms in Buryat

V. I. Semenova (Irkutsk State University)

The processes of the human mind are largely metaphorical, and this is reflected in the nomination systems of any language. Floral terminology, as part of the “nature” vocabulary, is one of the oldest strata of vocabulary. The semantics of the generating bases of many simple terms of the modern Buryat language cannot be determined. For example: *нархан* – a pine, *хилгана* – feather grass, etc. But there are names (mostly compound) that have a rather clear motivation: *улаагана* – *redcurrant* deriving from *улаан* – *red*, *хоэмосоо* – *hop*, *intoxication* deriving from *хоэмохо* – *to get intoxicated, to get drunk*, *носоргоно* – *agrimony* deriving from *носохо* – *stick, hold on*. The clearer the motivation of a plant name is the closer it is to the colloquial name and the better one feels the metaphoric meaning in the nomination process. Metaphorical names are formed on the basis of a single characteristic of a plant: colors, shapes, properties: *зула сэсэг* – *the yellow lily* – literally meaning *a candle flower*, *батаганаан хушуун* – *meadow geranium* – literally meaning *a mosquito's proboscis*, *хаг гбһэн* – *lichen* – literally meaning *coating, raid*, *эрью үбһэн* – *black henbane* literally meaning *эрью* – *intoxicating*. Certain attention is drawn to a large number of plant names formed as a result of identification of animals: *water lily* – *тэмээн табгай* – literally *a camel's foot*, *Scutellaria Baikalskiy* – *гүүн хүхэн* – *a mare's chest*, *melilot* – *зээрэн шэлбэ* – *an antelope's leg*, *briar* – *нохойн хоншоор* – *a dog's nose*, *currant* – *үхэр нюдэн* – *an eye of an ox*, *sorrel* – *хурьган шэхэн* – *a lamb's ear*, *green foxtail* – *үнэгэнэй хүүл* – *a fox's tail*. In the life of the nomadic Buryats pastoralists, hunters, animals were extremely important, that's why when we create a flora classification some well-known symbols of wildlife are used, becoming metaphorical components of a plant name's structure. “The essence of a metaphor is understanding and experiencing one kind of a thing in the terms and the nature of another kind” [Lakoff and Johnson 2008: 27].

В системе номинаций каждого языка, выражающей представления человека об окружающей действительности, отража-

ется его познавательная и классифицирующая деятельность. Рассмотрев названия растений в бурятском языке, нельзя не согласиться с утверждением, что «процессы человеческого мышления во многом метафоричны» [Лакофф, Джонсон 2008: 27].

Флористическая терминология, как составная часть лексики природы, является одной из древнейших пластов лексики. Семантику производящей основы многих простых терминов на базе современного бурятского языка установить невозможно. Исследователи, как правило, ограничиваются указанием в них исторического аффиксального элемента: *нарһан* ‘сосна’, *хилгана* ‘ковыль’, *сахилза* ‘ирис’, *мангир* ‘лук дикий’ и т.д. В подобных немотивированных названиях наблюдается максимальная степень терминологичности, т.е. отхода от прямого описания [Голев 1983: 76-77]. Но есть названия, указывающие на цвет, вкус, либо какое-то свойство объекта: *улаагана* ‘красная смородина’, ‘кислица’ (эх.-бул.) от *улаан* ‘красный’; *гэшиүүгэнэ* ‘ревень’ от *гашуун* ‘горький’; *һогтоосо* ‘хмель’ от *һогтохо* ‘пьянеть, хмелеть’, *һосоргоһо* ‘репейник’ от *һосохо* ‘приставать, вцепляться’. По мере расхождения признаков, являющихся основой для номинации и детализации флористических объектов, степень терминологичности меняется. Чем понятнее мотивировка фитонима, тем оно ближе к народному названию, и тем ярче ощущается метафоричность процесса номинации. Особенно это заметно в составных фитонимах.

Метафорические названия образуются на основе одного какого-то признака растения, например, цвета: *зула сэсэг* ‘лилия желтая’, букв. свеча цветок; *ламайн толгой* ‘растение с синей головкой’ (хамн.), букв. ламская голова – название содержит указание на синеватый оттенок бритой головы. Форма растения, или его части нередко становится мотивировочным признаком. В ряде случаев названия строятся по принципу подобия, сходства внешнего вида с общеизвестными, не относящимися к ботанике предметами: *һонхо сэсэг* ‘колокольчик’ от *һонхо* ‘колокол’; *хаг үһэн* ‘лишайник’, букв. налет, нагар, накипь трава; *батаганаан хушуун* ‘герань луговая’, букв. хоботок комара. Основой мотивировки названия растения нередко становится то или иное качество, свойство растения. Например: *шүдэр үһэн* ‘выюнок полевой’ от *шүдэр* ‘пути’; *эрью үһэн* ‘белена черная’ от *эрью* ‘дурманный’; *хорото мөөгэй* ‘поганка’ от *хорото* ‘ядовитый’. При номинации объектов флоры может учитываться и место, где растение произрастает: *уула үһэн* ‘мать-и-мачеха’, букв. гора

трава; *уһан жэмэс* ‘водянка, шикша’, букв. вода ягода; *газарай хүлээрэгэнэ* ‘моховка’, букв. земляная ягода.

Обращает на себя внимание большое количество фитонимов, образованных в результате отождествления с каким-либо животным. Например: кувшинка – *тэмээн табгай* (эх.-бул.), букв. верблюд стопа – в основе номинации форма листа; шлемник байкальский – *гүүн хүхэн*, букв. кобылица грудь; *хулганын шэхэн* ‘кислица’, букв. мышинное ухо; *зээрэн шэлбэ* ‘донник’, букв. ножка антилопы; *туулайн бөөр* (цонгол.) ‘каштан’, букв. заячья почка; *нохойн хоншоор* ‘шиповник’, букв. собачий нос; *үхэр нюдэн* ‘смородина’, букв. бык глаза; *хурьган шэхэн* ‘щавель’, букв. ягненок ухо; *үнэгэнэй һүүл* ‘щетинник зеленый’, букв. лисий хвост. В жизни бурят-номадов, скотоводов и охотников, животные имели огромное значение, поэтому и при классификации объектов флоры используются хорошо известные обозначения животного мира, становясь метафорическими компонентами структуры фитонима. «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида (thing) в терминах и сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2008: 27].

Литература

Голев Н.Д. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (наблюдение над ролью парадигматического фактора) //Русские говоры населения Сибири. - Томск: Изд-во ТГУ, 1983. - С. 76-88.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ./ Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е.- М.: Изд-во ЛКИ. 2008.- 256 с.

Принятые сокращения

хамн. – хамниганский диалект бурятского языка

цонгол. – цонгольский диалект бурятского языка

эх.-бул – эхирт-булагатский диалект бурятского языка

Белорусские народные методы обучения языку и воспитания культуры речи

Н. В. Сивицкая (Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск)

Belarusian folk methods of language teaching and of the cultivation of speech culture

N. V. Sivickaya (Research center of Belarusian culture, language and literature, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The acquirement of the native language and gaining of language proficiency have been always considered a condition for successful socialization and subsequent organic integration into society. The process of learning the native language was based on the direct influence upon a child and included such natural methods as visual learning, observation, explanation, interactive talks. For the development of “speech culture”, the most popular method was the demonstrative anthropotechnique. Empirical observations show that the folk methods of learning of the structural and communicative rules of the language, as well as of “natural” teaching of a wider lexicon, are still relevant in post-traditional society.

Залогом успешной социализации личности и ее последующей органичной интеграции в социум считалось знание родного языка и совершенное владение речью. Обучение языку и воспитание культуры речи было одним из важнейших моментов в процессе социализации личности в традиционной белорусской культуре.

Определенные усилия для последующего совершенного владения речью прилагались еще на этапе мифологически-ритуальной социализации личности – в первую очередь это касалось регламентации поведения беременной женщины в контексте исполнения ею магических запретов. Согласно поверью, *жанчына ў стане не павінна нікого дражніць: ні гугнівога, ні шапяляваго, ні закатаго, ні нямога, < ... > бо дзіця яе будзе мець ліхую гаворку* [Сержпутоўскі 1998: 166].

С момента рождения практиковалось непосредственное вербальное воздействие на личность – использование произведений малых фольклорных жанров, а также устный народный

дискурс. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что в традиционной практике обучения языку принято разговаривать с новорожденным с первых дней его жизни, поскольку считалось, что это влияет на усвоение активного лексического запаса, и, соответственно, ускоренное речевое развитие. Широко распространен метод наглядного обучения – обучаемому указывали на предмет, называя его, затем предлагали либо указать на него самостоятельно, либо повторить слово. Таким образом происходило расширение лексического запаса и усвоение орфоэпических норм языка, причем при обучении орфоэпическим нормам практиковалась агрессивно-наступательная тактика. При обучении культуре речи в народной традиции актуален метод комплексного воздействия, т.е. воспитание культуры речи осуществлялось в комплексе с духовным и этическим воспитанием и развитием личности.

Широко применялись методы наблюдения, беседы, разъяснения. В повседневной практике ребенок был свидетелем тех или иных этикетных ситуаций, естественным образом наблюдая соответствующее использование лексических средств и имея возможность при необходимости получить разъяснение (к примеру, существовала регламентация приветствий строго в соответствии с ситуацией – *Здорова! Памагай, Божа! Што застаў, то не ўток* (приветствие-пожелание женщине, снующей кросны) и т.п.).

В развитии культуры речи популярным являлся метод демонстративной антропотехники. Находясь практически всё время рядом со взрослыми, дети не только непосредственно пополняли словарный запас и обучались владению им в тех или иных ситуациях, но и усваивали правильное интонирование, расстановку акцентов, способы вербального выражения экспрессии (к примеру -- *Кот жых у сторону, а я цісь дзвярамі; Пабрахаіся, як сабакі*).

В народной традиции актуален метод «языковой провокации», применяемый, как правило в комплексе с методами наказания и отрицательного примера. Данный метод широко использовался в решении проблемы употребления детьми нецензурной лексики – ребенку предлагалось повторить вслед за взрослым какое-либо нецензурное слово, в результате чего он незамедлительно подвергался насмешкам и осуждению со стороны взрослых и ровесников.

Эмпирические наблюдения свидетельствуют, что народные методы обучения языку и культуре языка, способствующие

органическому усвоению широкого словарного запаса, обучению орфоэпическим нормам, не утратили актуальности в посттрадиционном обществе.

Литература

Сержпутоўскі А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мн.: Універсітэцкае, 1998. – 301 с.

«Это уже плюсквамперфект»: лингвистический термин как образ публицистики и эссеистики

Д. В. Сичинава (Институт русского языка РАН, Москва)

“This is the pluperfect”: a linguistic term as an image of journalism

D. V. Sitchinava (Institute of Russian Language RAS, Moscow)

The paper deals with the linguistic term "pluperfect" used as a metaphor in non-linguistic texts. Different Russian essays and literary reviews feature the word which has a variety of meanings that are found to correspond strikingly to the semantic map of pluperfect known typologically. Given the fact that there is no such grammatical category in Russian, this extensive use of a term may be taken as an illustration for the mechanism of pragmatic and metaphorical change of meaning in different contexts.

Термин «плюсквамперфект» (< лат. plus quam perfectum; букв. «более, чем совершённое [действие]») получил необычно широкое распространение как публицистически-философский образ. Это слово употребляется в большом числе эссе и публицистических сочинений XX—XXI вв., переосмысляясь как глубокое философское понятие, не привязанное к языку. Часто это переосмысление сопоставляется более или менее подробным авторским метакомментарием; есть целое эссе (И. Фаликова), построенное вокруг вынесенного в заголовок слова «плюсквамперфект». Ничего подобного не происходит с другими латинскими терминами классической традиции — допустим, *аблатив*, *конъюнктив* или хотя бы *перфект* и *имперфект*; более привычная славянизированная терминология тоже с трудом поддаётся такому осмыслению (ср. разве что *история не терпит сослагательного наклонения*). Вдвойне интересно, что трактовки «плюсквамперфекта» в подобной литературе неожиданно

перекликаются с типологическими данными о плюсквамперфекте и его прагматических функциях в языках мира. Эти данные заведомо не известны авторам, представляющим себе плюсквамперфект (например, в латыни) через призму устаревших трактовок: «давнопрошедшее» или «предшествующее в прошедшем».

Очень распространена трактовка, связывающая плюсквамперфект с «замкнутым временным интервалом» в прошедшем (в типологии — *past temporal frame*; ср. также типологическую интерпретацию как «сверхпрошлое» и «неактуальное прошедшее»). Подчёркивается разрыв с планом настоящего, необратимость. Не редкость — сочетание «уже плюсквамперфект».

Так написать об истории мог лишь человек, живущий в середине века XX-го и прекрасно понимающий, что массовидность тоталитарных режимов этого века - не настоящее, а плюсквамперфект, давно прошедшее, и нет за этим не только будущего, но и права на реинтерпретацию. [Н. Полтавцева. «Исторична ли история?» Зная, 1997]

Эссе И. Фаликова, так и озаглавленное — «Плюсквамперфект», демонстрирует, как из неточной и неполной трактовки «предшествования в прошедшем» вырастает теория «замкнутого временного интервала» в прошлом:

“*Plusquamperfectum* (прошедшее время) означает действие законченное, совершившееся раньше другого действия, относящегося к прошлому” (учебник латинского языка). Если метафоризировать — что это означает применительно к поэзии? У меня есть сильное ощущение, что все мы живем внутри глагола прошедшего времени, которое закончилось, но — раньше другого действия. Другое действие распознается по тем признакам, которые уже существуют.<...>

Интересна трактовка плюсквамперфекта в терминах «возможных миров», также широко распространённая в типологии:

В другом месте романа сказано о вероятности существования сказочных драконов: “Мы имеем дело с областью прошлого, а в „прошлом”, в отличие от „настоящего”, все бывает на правах равно возможного”. Одно слово, “плюсквамперфект” (этим грамматическим термином поименованы все главки про Акопа, его фабрику и Владиков). [Александр Гаврилов, рец.: Юрий Малецкий. Проза поэта. НМ, 2000, № 1]

Плюсquamперфект ассоциируется с «пространством сказки», «игрой воображения», что можно соотнести с широко представленной в языках мира тенденцией развития у плюсquamперфекта ирреальных, пересказывательных значений:

Еще в 1920-е Бунин перенес эту реальную Россию в пространство сказки, используя плюсquamперфект (рассказ "Косцы") [Е. Пономарёв, «Вопросы литературы», 2004]

Данные формулировки представляют большой интерес как материал для исследования механизмов метафоризации и прагматического осмысления грамматических категорий — как у наивных носителей языков мира, где плюсquamперфект есть, так и у весьма искушённых литераторов, носителей русского языка, где плюсquamперфекта нет. Схождения между этими механизмами напоминают, что в каких-то отношениях *minds think alike* — вовсе не обязательно *great minds*.

Репрезентации в речи наивного счета до трех

Г. Ю. Смирнова (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Speech representations of the naïve counting from 1 to 3

G. J. Smirnova (ILS RAS, St. Petersburg)

The paper discusses the Russian expression *считаю до трех* 'I'm counting up to three'. The modifications of the expression are based on the mathematical fractions, however there are also plenty of other modifications that can be considered as naive counting.

В устной речи выражение *считаю до трех* часто употребляется как угроза кому-л., предупреждение о «санкциях» при невыполнении требуемого. В каждой фазе счета (*раз-два-три*), как правило, совершается какое-либо действие или демонстрируется определенное состояние (по нарастающей или убывающей) одного из коммуникантов или обоих сразу. Однако трехфазовый счет в народной речи тяготеет к разложению его на дополнительные фазы. Счетной единицей становится *два с половиной*, а счет до трех превращается фактически в счет до четырех: «Атаман не верил, что безоружный человек может вступить с ним в единоборство. Явного оружия у пришельца не было — значит, было тайное. Иначе откуда эта холодная сила? — Два с половиной, — объявил странный человек. Смятение переросло в панику. Разбойникам казалось, что в глазах

незнакомца зловеще пляшет пламя. — Три!». Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник (1994) [Национальный корпус русского языка]. В таком приеме дробления можно усмотреть не только предоставление дополнительного шанса коммуниканту, в чей адрес произнесена фраза и открыт счет, но и превалирование двоичного кода (и числа «2») в реальной жизни в отличие от сакрально-символической тройки. Не случайно в устной речи счет на три нередко заменяется счетом на два: *три—четыре, три—пятнадцать (шестнадцать)*.

Счет до трех с дробными компонентами, как и дальнейшие его модификации (*два с половиной, два и три четверти, три либо два с четвертью, два с половиной, три*), правомерен с точки зрения математики и выражает суть счета: увеличение на единицу (в данных случаях – условную единицу). Однако хорошо известен в детских играх наивный счет до трех. Такой счет строится исходя из уменьшения временного отрезка между интервалом «два» и «три»: *два на веревочке, два на ниточке, два на иголке, два на сопельке, два на паутиночке, два с ниточкой, два с иголкой* и пр. Уменьшение происходит в соответствии с представлениями о толщине (прочности) как показателе большего временного отрезка (веревочка толще паутиночки). Такой счет, дойдя до определенной стадии (например, до *два с половиной*), превращается в счет убывающий. Можно наблюдать в речи и фольклорное продолжение счета, построенное по принципу троичности: «Три на верёвочке... Три на ниточке... Три на сопельке... Верёвочка обрывается... Ниточка обрывается... Сопелька обрывается...» [Форум ABBY Lingvo].

Подобный счет может строиться на представлениях о бесконечной делимости пространства и времени и напоминает апории Зенона об Ахиллесе и черепахе. На наш взгляд, истоки такого счета уходят в глубокое прошлое и связаны с так называемым счетом без числа, представленном в текстах русских заговоров и похоронно-поминальных причитаниях.

Литература

1. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] [URL: <http://www.ruscorpora.ru>]
2. Форум ABBY Lingvo. [Электронный ресурс] [URL: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=35418>]

«Диалектная чересполосица» и наивная диалектология (на материале говора аула Уляп Республики Адыгея)

А. А. Сомин (РГГУ, Москва)

"Dialect open field system" and naïve dialectology (based on the idiom of Ulap village, the Republic of Adyghea)

*A. A. Somin (Russian State University for the Humanities,
Moscow)*

Two questions that my talk concerns are: 1) the view of Ulap village inhabitants (the Adyghe Republic) who speak a variant of Besleney dialect of the Kabardian language on their own idiom and other Circassian idioms, and 2) the main markers of different Circassian dialects from the point of view of Ulap idiom speakers.

1) Even though Ulap inhabitants suppose that the existence and the peculiarities of their idiom are well known in other Adyghe villages, their idiom is not understandable for speakers of Adyghe dialects. However, Ulap speakers themselves can modify their speech to achieve intelligibility with other idioms, though they can not explain what linguistic changes they make when switching codes.

2) Among dialectal differences between Circassian idioms Ulap dialect speakers name first of all lexical variants; they also notice differences in phonetics and some grammatical peculiarities (examples will be presented in the talk). All of them can be a basis for teasing rhymes and jokes.

The example of Ulap village demonstrates how living among different idioms influences the linguistic feeling of local inhabitants.

В докладе пойдёт речь о представлениях жителей аула Уляп Республики Адыгея, говорящих на бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка, о других адыгских идиомах и о наиболее важных маркерах, позволяющих определить идиом.

Аул Уляп окружён аулами, в которых говорят на идиомах, отличных от уляпского. Уляпцы уверены, что «уляпский диалект» (или язык; а также «бесленеевский язык») является единственным в своём роде в Адыгее (некоторые указывают на существование ещё двух бесл.⁷ аулов в Краснодарском крае).

⁷ Здесь и далее: *бжед.* – бжедугский, *шап.* – шапсугский, *тем.* – темиргоевский (основа литературного) (диалекты адыгейского языка),

Кроме того, опрошенные уляпцы полагают, что факт существования особого уляпского говора и его важнейшие лингвистические характеристики известны носителям других адыгских идиомов в Адыгее.

Все информанты считают ул. более близким к каб., чем к адыгейскому языку, при этом для уляпцев не представляет сложности общение как с кабардинцами, так и с носителями адыгейских диалектов. Причиной последнего считается изучение литературного адыгейского языка в школе. При этом ул. остаётся непонятен для адыгейцев, поэтому при общении с ними уляпцы переходят на диалект собеседника. Информанты, однако, не могут назвать, что именно они меняют в своём языке, чтобы заговорить на чужом диалекте: это происходит «*машинами*». «Школой диалектологии» для уляпцев служит, во-первых, то, что в самом Уляпе у многих из них есть соседи или даже родственники, говорящие на разных диалектах, а во-вторых, регулярное общение с однокурсниками из разных мест в студенческие годы в Майкопе.

Теперь рассмотрим по уровням осознаваемые уляпцами различия между идиомами. При ответе на вопрос о различиях первое, на что обращают внимание информанты, – это лексика. В первую очередь обычно приводят варианты слова *что*: тем. *səd* (*səda*), ул. *sjə*, *sət* и (для некоторых информантов) *λwe*, каб. *λwe*, бжед. *šəd*, и даже варианты отдельных аулов: *sədra* (Джамбичи, тем.), *dəra* (Хатукай, тем.). Бжед. вариант *šəd*, в котором присутствует характерный для этого диалекта звук [š], лёг в основу дразилки для бжедугов *šəd-məšəd*, где *məšəd* может быть как отрицательной редупликацией с префиксом отрицания *mə-*, обычной для уляпского говора, так и распространённым именем для собаки. Среди других частых примеров слова *хлеб*: ул., тем. *xaləwʷə*, каб. *šaqʷe*, *ведро*: ул. *peɣʷən*, тем. *šʷalə*, шапс. *qʷaw* и др.

Следующий уровень, различия на котором называют информанты, – это фонетика. Так, например, о каб. говорят как о «более мягком», упоминая большое количество звуков [ʃ]. Такое его свойство объясняется соответствием между ул. и тем. шипящими [ʃ], [ʃʷ] и каб. свистяще-шипящим [ʃ], а также

наличием суффикса декларатива *-ŕ* у глаголов⁸. У каб. адыгейских аулов несколько иные соответствия: одна из информанток рассказала историю о взаимном передразнивании с мужчиной из аула Ходзь: мишенью насмешки стали формы ул. *səʒeja* / каб. *səʒ'eja* 'я спал(а)', причём для обоих вариант собеседника получал характеристику «у нас так только дети говорят». Для тем. важным отличием является наличие звука [ʃ^w], которому в ул. соответствует [f]. В обычной речи такой нетривиальный пересчёт происходит автоматически: так, шапс. *xetɕʃ^wət* 'конец огорода' вызывает смех у уляпцев, т.к. *fət* – нецензурное слово в ул. Наконец, ул. чертой является наличие [q] на месте большинства тем. [q], что может передразниваться и приводит к оценке своего идиoma самими уляпцами как «грубого».

Грамматика является наименее ощутимым маркером различий. Исключение – ул. суффикс отрицания *-qəm* на месте тем. *-ep*. Известен анекдот о темиргоевцах, спросивших уляпцев, есть ли на реке мост, и попавших в воду, т.к. один из спрашивающих понял ответ *ʃ'ədeqəm* 'не имеется' как 'есть мост и ещё какой-то *qəm*'. Уляпцы считают *-qəm* наиболее известной чертой своего идиoma, и именно эта особенность передаётся в первую очередь при пародировании говора (дразнилка *qəm-səm*). Таким образом, на примере жителей аула Уляп видно, как «диалектная чересполосица» и постоянные контакты с носителями близкородственных идиомов обостряют лингвистическое чутьё носителей.

⁸ В каб. говорах адыгейских аулов Ходзь, Блечепсин и Кошехабль указанный суффикс отсутствует. О различии у уляпцев каб. Адыгеи и каб. Кабардино-Балкарии см. в статье Г.А. Мороза в настоящем сборнике.

“Хвост старого Сатаны”: Иоло Моргануг и валлийская суффиксация

А.И. Фалилеев (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

"The tail of the old Satan": Iolo Morganwg and the Welsh suffixation

A.I. Falileyev (ILS RAS, St. Petersburg)

The presentation will demonstrate some aspects of Iolo Morganwg's view of his native language. His opinion plays an important role in the studying of the historical morphology of Welsh.

Эдвард Уильямс (1747-1826), более известный по своему поэтическому псевдониmu Иоло Моргануг (Iolo Morganwg), является одним из самых известных валлийцев. Антиквар, поэт и коллекционер, а также каменщик и резчик, он прославился, в первую очередь, как выдающийся мистификатор и предтеча неodruidизма. Личность Иоло и его вклад в историю валлийской культуры уже долгое время интересуют исследователей: этим вопросам посвящено значительное количество монографий. Собственно лингвистические взгляды этого, в сущности, далекого от лингвистики автора, были скрупулезно изучены Р. Кроу, который, между прочим, показал, насколько важными для Иоло были данные юго-восточных диалектов валлийского языка, которые, по его мнению, значительно превосходили по качеству данные северо-запада. В настоящем докладе планируется рассмотреть некоторые аспекты видения Иоло своего родного языка, которые небезынтересны для исторической морфологии валлийского в целом.

В письме, адресованном своему сыну Талиесину от 27.01. 1826 г. (NLW 21286E, no. 1005), Иоло Моргануг жалуется на “испорченность” северных диалектов (Гвинедд), которая проникает и в язык валлийцев-нонконформистов юга, а именно: “постановка слога *ol* как хвоста, не менее ужасного чем хвост старого Сатаны (*cynfon hen Sattan*)”. Иоло имеет здесь в виду необычайную продуктивность суффикса прилагательных *-ol*, который без всякой необходимости добавляется к уже существующим прилагательным, что приводит к появлению дублетов, как напр., в случае с *parodol* ‘готовый’ при *parod* ‘id.’. Он также упоминает прилагательные *uniogyrchol* ‘прямой’ (*uniongyrch*), *hynodol* ‘примечательный’ (*hynod*), *cyffredilol*

‘общий’ (*cyffredin*), *anferthol* ‘огромный’ (*anferth*) и добавляет: “почти все они порождение Гвинедда, но где бы они не были рождены, всех их на виселицу”.

Как представляется, собственно лингвистическое наблюдение Иоло Моргануга удачно вписывается в общую концепцию валлийских диалектов этого автора, однако по непонятным причинам это свидетельство выпало из внимания современных исследователей. Действительно, Р. Кроу отмечает, что с точки зрения Иоло, в северных диалектах валлийского языка используется значительное количество “ненужных” суффиксов, но иллюстрирует это положение только на примерах глагольной системы [Crowe 2005: 319-321]. Сама же эта проблема не нова (ср. лат. *prodigus* и *prodigalis*, *continuus* и *continualis*), однако вопрос, поднятый валлийским антикваром начала XIX века, оказывается достаточно актуальным и поныне. В этой связи можно обратить внимание на продолжающуюся дискуссию об истории отадективных прилагательных и их сосуществовании, что затрагивает историческую грамматику (и собственно стилистику) всех кельтских языков, а не только валлийского, ср. [Wodtko 1995: 284-5]. Следует отметить, что в другом месте (NLW 13089E) Иоло Моргануг высказывает свои соображения и по поводу суффикса прилагательных *-og*, на месте которых в южных диалектах находим *-us*, ср. *tesus* и *tesog* ‘теплый’. Примечательно, что в этом случае валлийский антиквар не считает эти суффиксы “хвостом Сатаны”, хотя с их помощью также производятся прилагательные от прилагательных, ср. *boddlonus* ‘приятный’ (*boddlon* ‘id.’) или *cwtog* ‘короткий’ (*cwta* ‘id.’).

Известно, что в позднесредневаллийском суффикс прилагательных *-og*, столь популярный в более ранний период, значительно начинает уступать по частотности суффиксу *-ol*. Более менее понятно и то, что причины тому могут быть разнообразны и несводимы к единому историческому знаменателю, см. [Russell 1993] и [Zimmer 2000: 548-9]. Однако, как представляется, в современных исследованиях этой проблематики, которым явно не хватает комплексности, следует обратить самое пристальное внимание на диалектное распределение соответствующих форм и их последующее распространение. Более того, при анализе созданных пару веков назад производных прилагательных ни в коем случае нельзя выпускать из вида социолингвистический аспект. Это замечание, высказанное П. Расселлом в указанной статье по поводу циркуляции кабинетно созданных “ученых

слов”, нужно применить и к более широкому кругу явлений, в первую очередь в связи с особенностями религиозной жизни в Уэльсе начиная с XVIII века. Понятно, что исследование морфологии валлийских прилагательных должно быть проведено на основании полной выборки примеров и с учетом всех “хвостов старого Сатаны”.

Литература

- Crowe R. Iolo Morganwg and the dialects of Welsh // Jenkins G. (ed.) *A rattleskull genius: the many faces of Iolo Morganwg*. Cardiff: University of Wales Press, 2005. P. 315-331.
- Russell P. Modern Welsh -og and productivity in derivational Patterns // *Journal of Celtic Linguistics* 1993. V. 2. P. 151-156.
- Zimmer S. *Studies in Welsh word-formation*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 2000.
- Wodtko D. *Sekundäradjektive in den altirischen Glossen*. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1995.

«Народная» семантика в контексте многоязычия

Е. В. Хачатурян (Университет Осло)

“Folk” semantics in multilingual context

Е. V. Khachaturyan (University of Oslo)

“What strategies do parents use explaining the meaning of a word or a of an expression to a child?” – this is the main question that will be investigated in the paper. The analysis, that is based on the recordings of the conversations with a trilingual child (following the strategy one parent-one language), will show that the way of the explanation changes not only according to the semantic properties of the word, but depends also on the linguistic features of the language and individual properties that characterize each parent. The problem of the identity and the vocabulary connected with the national identification of the child will be also discussed.

Как известно, описание значения слова является одной из ключевых проблем семантики. Различные семантические школы придерживаются разных взглядов на этот счет. Однако в ситуации, когда значение слова нужно объяснить ребенку, казалось бы радикально различные теоретические установки могут эффективно сосуществовать.

В докладе речь пойдет о стратегиях, которыми пользуются родители, объясняя значения слов ребенку (в период с 4 до 5 лет).

Материалом исследования служат дневниковые и аудио-записи (часть лонгитудинального исследования) разговоров родителей с трехязычным ребенком (стратегия один родитель – один язык: русский – язык матери, итальянский – язык отца, норвежский – язык в детском саду).

В описываемой ситуации многоязычия родители являются чуть ли не единственным источником языка для ребенка, а пассивный словарный запас как русского, так и итальянского языков почти соответствует активному словарному запасу. В связи с этим от поведения родителей во многом зависит языковая компетентность ребенка.

Ребенок часто спрашивает о значении слов. В большинстве случаев это слова или устойчивые выражения из детских фильмов, песен или книг, в некоторых случаях это слова, которые родители используют в разговоре с ребенком. Иногда кажется, что некоторые слова уже известны ребенку и ответ на вопрос «что такое р?» требует не просто лингвистической компетенции (напр. при обсуждении качеств: хитрый, умный, красивый, глупый).

Слова, о значении которых ребенок спрашивает, можно поделить на несколько групп. Слова с абстрактным значением (напр., *доброта, любовь, желать, уважать*), слова с конкретным значением (напр., *полено, лукошко, всадник*), реалии, неизвестные ребенку, который живет в другой стране (напр., *пряник, баранки, молоко убежало, валенки*), реалии, плохо известные современному ребенку (напр., лексика из сказок: *терем, крыльцо* и т.п.). При этом стратегия объяснения часто меняется в зависимости от группы, которой принадлежит слово. Кроме того, ряд слов и выражений вызывает вопросы, как кажется, именно в силу недостатка пассивного владения языком (напр., *честное слово, стресс, нервничать, рисковать*).

В докладе будет представлено, как проблему семантического определения решает каждый из родителей. Будет показано, какую роль играют при этом гендерные, национальные, а также профессиональные (мать – лингвист, отец нет) особенности.

Отдельное внимание будет уделено лексике связанной с самоидентификацией. В частности: что значит «он итальянец»? кто такие иностранцы? кто такие туристы?

О народной этимологии и количественных сочетаниях с прилагательным в русском языке

И. А. Шаронов (РГГУ, Москва)

On the folk etymology and quantitative combinations with the adjective in Russian

I. A. Sharonov (Russian State University for Humanities, Moscow)

The paper deals with grammatical reanalysis that takes place due to a folk interpretation of a grammatical form. It concerns Russian constructions that contain a numeral (*два* 'two', *три* 'three' or *четыре* 'four'), adjective and noun. All the nouns in combination with these numerals have the genitive singular form (in the subject position). It is expected that an adjective should agree with noun in number and case. However, in the case of nouns of feminine gender an adjective often occurs in the nominative plural form because the form of nouns is reanalyzed by speakers.

Наивное этимологизирование служит для осмысления сложной или непонятной для носителей языка языковой единицы, введения ее на основе внешнего сходства в класс чужеродных ей явлений. Иными словами, наивное этимологизирование исходит из имманентной системности и мотивированности любого языкового знака. В каком-то смысле прагматическая выгода от облегченного освоения единицы оказывается более ценной, чем истина. Принято считать, что материал для народной этимологии — лексика (например, *сальный*, из французского *sale* — 'грязный', неправильно связывают со словом *сало*, игровая этимология: *прихватизация*, *дерьмократы* и подобн.).

Однако сфера народной этимологии может простираться и на грамматические конструкции. Рассмотрим в этой связи русские количественные конструкции с числительными *два*, *три* и *четыре*. Находясь в форме им. и вин. падежей, числительные управляют существительными, требуя от них формы ед. ч. род. пад.: *два студента*, *три печи*, *четыре стола*. Прилагательное, помещаемое в такую конструкцию, может находиться в позиции к количественному сочетанию. При этом прилагательное принимает форму мн. ч.: за *последние два месяца*, в *первые три дня*, через *каждые четыре часа*. Занимать препозицию может

отнодъ не каждое прилагательное. Оцените странность сочетаний: *Деловые два письма*; *перспективные три задачи*; *способные четыре аспиранта*.

Стандартная позиция прилагательного в количественном сочетании – позиция между числительным и существительным. При этом прилагательное принимает форму родительного падежа множественного числа: *два новых студента*, *три одинаковых результата*, хотя формально оно зависит от существительного, должно согласовываться с ним не только по падежу, но и по числу. Видимо, с точки зрения грамматической логики, это наиболее дисгармоничная конструкция русского языка. То, что такое согласование происходит только в словосочетаниях с тремя числительными, проблему не уменьшает, так как числительные *два*, *три* и *четыре* очень частотны в речи.

Существует возможность вполнину уменьшить количество словосочетаний, построенных по такой грамматической схеме. Правда, приходится идти на искажение истины. О чем идет речь? Большинство существительных в женском роде имеет омонимичные формы род. п. ед. ч. и им. п. мн. ч.: *нет книги* (род. п., ед. ч.) и *эти книги* (им. п., мн. ч.). Почему бы не трактовать форму *груши* в количественном сочетании *три груши* не как форму род. п. ед. ч., которой она является, а как форму им. п. мн. ч., как в словосочетании *эти груши*? В результате переосмысления получается конструкция: *две (три / четыре) сладкие груши*, которая конкурирует с формально правильной, но одиозной конструкцией *две (три / четыре) сладких груши*.

Такое переосмысление грамматической формы существительного развилось, возможно, в первой половине XX века. По крайней мере, в стилистических справочниках середины XX века делается осторожное утверждение, что новая форма (им. мн.) более предпочтительна, чем старая [см.: Супрун 1957: 77-79; Горбачевич 1978: 259]. Другими словами, в количественных конструкциях со словами женского рода происходит переосмысление: числительное перестает управлять и превращается в согласуемое по падежу слово: *две красивые розы*: *розы* какие? – *красивые*; какие? – *две*. Народной этимологии помогает и принцип аналогии: числительные в косвенных падежах (кроме винительного) перестают управлять и становятся согласуемыми: *двух красивых роз*, *двум красивым розам*, *двумя красивыми розами* и т.д.

Однако переосмысление существительного, упрощающее конструкцию для слов женского рода, «спотыкается» о проблему отсутствия грамматической омонимии у группы двусложных слов женского рода. *Две двери, три реки*, но – *железные двери, широкие реки*. «Если, – пишет К.С. Горбачевич, – у существительного женского рода формы именительного падежа множественного числа отличаются по ударению от форм, входящих в количественно-именное сочетание, то определение обычно ставится в родительном падеже множественного числа: *две высоких горы, три огромных волны*» (Горбачевич 1978: 262). Это утверждение исследователь делает, видимо, на основе профессионального отношения к грамматике и недооценки народной этимологии. Анализ употребления некоторых часто используемых в речи двусложных слов женского рода, не имеющих грамматической омонимии род. п. ед. ч. – им. п. мн. ч. в Национальном корпусе русского языка за последние пятьдесят лет демонстрирует слабую релевантность признака переноса ударения на другой слог, преобладание примеров с прилагательным в им. п., мн.ч.

В докладе на примере анализа количественных конструкций с существительными *свеча, рука, нога, дверь, стена* делается вывод о нечувствительности современного носителя русского языка к различию формы прилагательного в количественных конструкциях, о восприятии всех прилагательных в данной позиции как форм как им. п. мн. ч. Чтобы прийти к окончательным выводам в этом вопросе, требуется дополнительная работа по устному анкетированию постановки ударения на существительном. Как говорят современные носители языка: *все четыре свежеекрашенные стены* или *все четыре свежеекрашенные стены?*

Литература

- Горбачевич 1978 – Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978.
- Супрун 1957 – А. Е. Супрун. К употреблению родительного и именительного падежей множественного числа прилагательных в сочетаниях с числительными *два, три, четыре* в современном русском языке. — «Уч. зап. Киргизского гос. под. ин-та», вып. 3, Фрунзе 1957.

Language attitudes in Uganda – folk linguistics as an instrument to access people’s linguistic conduct

J. Becker (Goethe University Frankfurt, Institute for African Studies)

As sociolinguistics constructs language as a “cultural resource” or a “set of sociocultural practices” (Schieffelein 1990: 16) the connection between language and social identity of people is obvious. Language is part of one’s identity and is conversely influenced by the speaker’s identity and cultural background. Academic linguistics mostly focuses on the relationship between language and identity in general and tries to highlight the connections and important features.

Folk linguistics offers the opportunity to gain an insight into people’s linguistic conduct and their attitudes towards language. Insofar folk linguistics accesses people’s attitudes towards languages and language related phenomena. This paper concentrates on language attitudes as a variety of folk linguistics and the national language policy in Uganda.

Language attitudes reflect what people think about a specific language or a certain “lect” and thus are an indication of the language’s symbolic character. It is argued, that people always take up a position towards a language. The question is „*why do people evaluate each other, favourably or unfavourably, on the basis of speech?*“ (Hudson 1987: 197). Language attitudes or language ideologies do “*envision and enact ties of language to identity, to aesthetics, to morality, and to epistemology*“ (Woolard 1998: 3).

Folk linguistics is perceived as “*ordinary people’s ideas*” (Milroy 2001: 238) about language(s) and language varieties and is often contrasted with academic linguistics.

This paper focuses on the potential of folk linguistics in regard to the national language policy in Uganda (East Africa) referring to original work. The data was gathered during two extensive fieldtrips to Uganda in 2008 and 2009.

Since its independence Uganda is in search of an adequate national language to form a national identity. Ugandan politicians have had different opinions about the “right” choice and so far no language has been chosen as national language. From an academic point of view there are some options which are considered rational.

The presentation will focus on different language options, will highlight the academic pros and cons and will contrast these findings with people’s language attitudes from Uganda.

It will be shown that people's language attitudes are influenced by social, political and economic factors and historical events. This leads to very strong positions towards different languages and the related speakers' communities. In Uganda, for example, some languages are perceived as "language of grief", "language of thieves" or "language of arrogance". Such folk linguistics' labels do hamper successful language policies. As the Ugandan case shows, folk linguistics is a valuable complement to academic linguistics as folk linguistics provides an excellent access to people's language attitudes. For the understanding of national language policies, as will be shown in the presentation, it is more than reasonable to combine academic linguistics with folk linguistics in order to display reality adequately.

References

- HUDSON, RICHARD ANTHONY. *Sociolinguistics*. Cambridge (u.a.): Cambridge University Press, 1987.
- MILROY, LESLIE. Britain and the United States: Two Nations Divided by the Same Language (and Different Language Ideologies). In: *Journal of Linguistic Anthropology* 10/1. 2001. 56-89.
- SCHIEFFELIN, BAMBI. *The Give and Take of Everyday Life: Language Socialization of Kaluli Children*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.
- WOOLARD, KATHRYN A. Language Ideology as a Field of Inquiry. In: SCHIEFFELIN, BAMBI, KATHRYN WOOLARD & PAUL KROSKRITY (Hg.). *Language Ideologies: Practice and Theory*. Oxford University Press. 1998. 3-47.

From tacit knowledge to quantitative data: Observations on a collaborative method to document the language and culture of lesser-known languages

M. Coler (Cognitive System Teams, INCAS³, Assen)

This presentation will focus on the author's fieldwork in the isolated community of Muylaque deep in the Peruvian highlands. The Aymara-speaking denizens of this village, long separated from speakers of other variants have acquired a number of unique features distinguishing it in many unique and unexpected ways. Research performed in this area focused on accumulating a corpus of folktales and myths. This approach yielded insights into aspects of the language structure (e.g. evidentiality and discourse structure) and culture (e.g. intertextuality and cosmovision) that would be otherwise inaccessible.

Moreover, it allowed for a collaborative approach that engaged the speakers themselves to take an active role in the documentation, transcription, and translation processes. However, this method comes at a high cost and had complex ramifications, which permeate through the organization of the grammatical description. These issues, too, will be discussed. From a broader perspective, this presentation will give particular attention to the extraction of quantitative data from tacit knowledge.

Perception and production of code switching by bilingual speakers

E. Davidiak (SUNY Stony Brook, New York)

This project explores the perception of code switching by Russian-English and Spanish-English bilingual speakers as well as the presence of mixed utterances' in their own production.

The participants of the study were 10 heritage Spanish speakers also fluent in English, aged between 25 and 32, and 10 bilingual Russian-English speakers with at least 10 years of residence in the USA, aged between 20 and 45. All of the participants live in ethnically diverse urban areas of New York, 8 of the Spanish speakers and 7 of the Russian speakers in areas where Spanish and Russian, respectively, are the leading minority languages. All of the participants have regular contact with Russian- and Spanish-speaking relatives and work and/or study in a primarily English-speaking environment.

The experiment consisted of two parts: a rating task and an interview with the researcher. During the first section of the experiment, each speaker was presented with a list of 12 mixed utterances and was asked to rate them on a scale from 1 to 5, 1 being the lowest (completely unacceptable) and 5 being the highest (completely acceptable) and to justify their rating in a written commentary. This section was designed in order to test whether the participants would rate structurally acceptable mixed utterances higher than those that present the violation of the Free Morpheme Constraint and the Equivalence Constraint [Poplack 1980, 1988, Sankoff and Poplack 1981] and whether they would justify their rating by structural or non-structural reasons. The second part of the experiment consisted in an oral interview which was later analyzed and partially transcribed. The goal of the experiment was to try and elicit mixed utterances from the speakers while encouraging them to comment and

reflect on their language usage, and therefore test whether the participants would, consciously or unconsciously, produce utterances that abide by the structural constraints.

The results of the experiment were three-fold:

1. The Spanish bilingual speakers showed a higher acceptance of structurally sane mixed utterances than the Russian bilingual speakers, showing that code switching is perceived as a norm/insider code among the Hispanic community in an English-speaking environment but is considered a stigmatized form of speech in the Russian-speaking community.
2. The utterances that did not abide by the Free Morpheme Constraint and the Equivalence Constraint were rejected by both Spanish and Russian speakers. In the accompanying comments, some of the participants from both groups came up with their own versions of the terms “matrix language” (the “main” or “base” language) and “bound morpheme” (“ending”, “this piece of word needs another word to hook up to”, etc.), as well as a version of the Length of Constituent Constraint [Poplack 1980, 1988].
3. During the interview phase, virtually all of the participants produced mixed utterances, irrespective of their self-reported opinion about code switching. These instances included a wide range of structures, from simple noun insertions and tag switches to complex switches within the verb phrase. The amount of code switching was generally higher for the Spanish-speaking group.

In conclusion, the study shows that most bilingual speakers are expert code switchers and are not only sensitive to violations of code switching rules, but can often explain these violations in their own terms. The amount of code switching will be generally higher in long-established bilingual communities where it is recognized as the communicative norm by both insiders and outsiders and lower in those communities where it is common but still viewed as an inferior/deficient form of speech by both the local bilingual speakers and their monolingual peers and relatives.

References

- Myers-Scotton C. Code switching: evidence of both flexibility and rigidity in language // J. Dewaele, A. Housen and L. Wei (eds.). *Bilingualism: Beyond Basic Principles*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2003. P. 189-203.
- Muysken P. Code-switching and grammatical theory. // Milroy, L. and Muysken, P. (eds.). *One Speaker, Two Languages: Cross-*

- Disciplinary Perspectives on Code-switching, Cambridge. Cambridge University Press, 1995. P 177-198.
- Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of codeswitching. *Linguistics* Vol. 18, 1980. P. 581-618.
- Poplack S. Contrasting Patterns of Code-Switching in Two Communities // M. Heller (ed.). *Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives*. Berlin and New York: Moutin de Gruyter, 1988. P. 215-244.
- Sankoff D. and Poplack S. A formal grammar for code-switching. *Papers in Linguistics* Vol 14 (1), 1981. P. 3-46.
- Toribio A.J. On emergence of bilingual code-switching competence. *Bilingualism: Language and Cognition* Vol 4(3), 2001. P 203-231.
- Wei L. The 'Why' and 'How' questions in the analysis of conversational code-switching // P. Auer (ed.). *Code-switching in Conversation* London and New York: Routledge, 1998. P. 156-176.
- Zentella A. Integrating qualitative and quantitative methods in the study of bilingual code-switching // E. Bendix (ed.). *The use of linguistics: Annals of New York Academy of Science* Vol. 585. New York: Academy of Science, 1990. P. 75-92.

Socio-political factors for the preference of British English over American English: the case for Persian speakers of Iran

A. Dehbozorgi (Allameh Tabataba'i University, Tehran)

It is well-known that individuals perceive languages and varieties in various ways; hence, the creation of the field of perceptual dialectology [Preston 1999; Long and Preston 2002], a subfield of folk linguistics. But almost all which has been investigated until now has been in the context of often two or more geographically and linguistically adjacent (local) and/or similar languages and/or varieties. But as far as the present author is concerned, the case of contact between (speakers of) geographically and linguistically distant languages and/or varieties remains almost unsolved. Thus the following question remains: Do individuals have different perceptions of the varieties of a foreign language which coexist in their speech community?

In this paper, the perceptual abilities, attitudes, and reactions of Persian speakers of Iran in relation to two varieties of English, i.e.

British English (Received Pronunciation; RP) and American English (General American; GA) is investigated. It has been observed in the past seventy years in Iran, that the people have a preference for American English over British English. Edwards [2006: 325-326] suggests three possible reasons for these cases of preference: 1. Intrinsic difference, 2. aesthetic difference, and 3. social perception. But it is obvious that socio-political factors have played a very important role in shaping the above-mentioned three factors. Widespread military, financial, and cultural relations, among other factors, have lead to the popularity of the United States and its English variety. But how these factors help to shape Persian speakers' perception of and attitude towards the values of various features of the two varieties: e.g. nasality/ lack of nasality; rhoticity/ non-rhoticity, vowel length, etc.? These matters will be investigated through a survey carried out in four major Iranian cities, i.e. Tehran, Isfahan, Mashad, and Shiraz, using questionnaires containing both linguistic and aesthetic questions regarding the varieties in question. As mentioned above, there is a considerable preference for American English over British English.

References

- Edwards J. Language Attitudes. in Brown K. (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics* (2nd ed.). Amsterdam: Elsevier, 2006. vol.6. P. 325-326.
- Long D., Preston D. R. (eds.). *Handbook of Perceptual Dialectology*. vol.2. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Preston D. R. (ed.). *Handbook of Perceptual Dialectology*. vol.1. Amsterdam: John benjamins, 1999.

Speakers' attitudes about language: generators or mirrors of sociolinguistic changes? The example of French

H. Favreau (LUNAM Université, Angers)

Language being a common possession shared by all the members of a given speech community, each speaker has a specific view on language, and even makes up his/her opinion about his/her own linguistic practice, when measured with a standard, normed variety, also known as the « reference » variety. Most often, these opinions are to be found within the discourse held by language (metalinguistic dimension) on language (epilinguistic dimension) as the latter conveys a certain number of value judgments that may lead

the linguist, as a specialist and scientist - meaning he/she cares about being objective and neutral - if not to dismiss them, at least to qualify them as received ideas, prejudices, or even ideologies. So, what place does normative attitude occupy within the epilinguistic discourse nowadays? Are the metalinguistic representations of the ordinary speech only the result of some judgment passed on the other's language?

If, from a strictly communicative point of view, there is no need to prove the essential nature of the concept of linguistic norm, its relevance can nonetheless be questioned by looking at it from a sociolinguistic point of view, a perspective that will enable the scientist to observe that this concept also conveys the idea of exclusion. Moreover, it seems that normative attitude may also reflect an idealization of the language by the average speaker. Indeed, the way some "average" speakers define linguistic correctness and, at the same time, qualify their own linguistic practice shows a real gap between both the ideal and real dimensions of language (where folk linguistics stand), at least as long as the French language is concerned. Thus, the research will focus, among other things, on the sociolinguistic representations – and all the ensuing attitudes – that have to do with language and its usages within this given speech community.

Following a questionnaire survey submitted to more than 600 French speakers, the aim of our presentation will be to analyze how linguistics stereotypes are spread according to a certain number of factors, both linguistic and sociological ones. We will particularly consider the following variables: age, sex, urban/rural origins... in order to determine how they do or do not influence the speakers' ideas about the French language but also how they can sometimes highlight today's changes within the French society.

Selected references

- BÉDARD, É. et MAURIS, J. (coord.). *La norme linguistique*, Paris : Dictionnaires Le Robert, 1983.
- BERNSTEIN, B. *Langage et classes sociales. Codes socio-linguistiques et contrôle social*, Paris : Éd. de Minuit, 1975.
- BOYER, H. et J. PEYTARD (éds.). « Les représentations de la langue : approches sociolinguistiques », *Langue française*, n°85, 1990, pp.102-124.
- FAVREAU, H. « Place de l'attitude normative dans le discours épilinguistique. Le locuteur non-spécialiste face à la

- représentation de ses propres pratiques linguistiques », Thèse de doctorat sous la direction de B. POTHIER, Université d'Angers, 2011.
- GUEUNIER, N., GENOUVRIER, É. et A. KHOMSI. *Les Français devant la norme. Contribution à une étude du français parlé*, Paris : H. Champion, 1978.
- LABOV, W. *Sociolinguistique*, Paris : Éd. de Minuit, 1976.
- LAMBERT, W. *Language, psychology and culture*, Stanford : Stanford University Press, 1972.
- LEDEGEN, G. *Le bon français : les étudiants et la norme linguistique*, Paris : L'Harmattan, 2000.
- MATTHEY, M. *Les langues et leurs images*, Lausanne : LEP, Neuchâtel : IRDP, 1997.
- SIOUFFI, G. et A. STEUCKARDT (éds.). *Les linguistes et la norme. Aspects normatifs du discours linguistique*, Berne : Peter Lang, 2007.
- TABOURET-KELLER, A. « Les représentations métalinguistiques ordinaires face à la nomination, l'institution et la normalisation des langues. Un micro-sondage », in *Langages*, n°154 (Représentations métalinguistiques ordinaires et discours), juin 2004, pp.20-33.
- WOEHLING, C. « Accents régionaux en français : perception, analyse et modélisation à partir de grands corpus », Thèse doctorale sous la direction de P. BOULA DE MAREÛIL, M. ADDA-DECKER et L. LAMEL, Université Paris-Sud, 2009.

Eliciting speakers' attitudes to Russian word stress patterns: folk linguistics and the spontaneity issue

V. B. Gulida (St. Petersburg State University)

REZUME

Language attitudes (LA) is now an actively explored area of folk linguistics seeking to rethink methods of eliciting LA in respect of task design-speaker response frame. The present study reports an attempt to employ Free Association Test (FAT) for LA elicitation and compares the data obtained in this experiment with traditional Matched Guise Technique data type. In addition the FAT elicited evaluative responses allowed their interpretation in terms of folk linguistic cognitorium, a socio-cognitive set of objects, values, beliefs relevant for a community's social order.

The stimuli in the present study are 40 variably stressed Russian words; 200 respondents stratified in age, social status, education level; producing 3600 associations with distinct sociocultural connotations.

ABSTRACT

Originally part of sociolinguistic research, language attitudes (LA) is now an actively explored area of folk linguistics. Since obtaining realistic data on speakers’ perceptions of language is at the heart of the new enterprise, it is only natural that it is concerned with efficient methods of eliciting language attitudes.

Building on established sociolinguistic methods of LA elicitation, folk linguists feel the need to rethink how these methods work regarding the implications of task design for speaker response [Prihodkine, Preston 2013]. Thus, the popular MGT (Matched Guise Technique) has been recently questioned with regard to the kind of data it typically generates, namely, speakers’ publicly acceptable, “proper” language attitudes as distinct from their own, “sincere” ones [Kristiansen 2003]. One explanation of the “public face” effect is respondents’ “acquiescent” speech behaviour, another is experimental conditions. In any case, the goal is to elicit speakers’ spontaneous response, skipping the self-control stage responsible for this strategy.

This paper attempts to use the Free Association Test (FAT) as a solution to the spontaneity problem. In this test, it is the procedure of obtaining speakers’ instant verbal association response to a stimulus that allows the spontaneity condition to be met.

The stimuli in the present study are a set of variably stressed Russian words involved in ongoing language change. In response to 40 word stimuli (mostly plural, masc.) 200 respondents generated 3600 socially relevant associations.

Table 1. Stimuli, evaluative reactions and response types

<i>Stimulus</i>	<i>Associative response</i>	Response type
		1. Emotional outbursts
<i>dogovorA</i>	<i>Eww! That’s brutal!</i>	
<i>aeroporA</i>	<i>You all jerks!</i>	
		2. Judgements of correctness and beauty/style
<i>barzhA, tortA</i> <i>aeroporA</i>	<i>Wrong stress</i> <i>Lame stress</i>	correctness

<i>tortA</i>	<i>There isn't such a word</i>	denying linguistic status
<i>aeroportA</i> <i>tOrty</i> <i>slesaryA</i>	<i>Vulgar</i> <i>Pathos</i> <i>Common language</i>	style
<i>slEsary</i>	<i>Dal' dictionary</i>	3. Reference to authority source
		4. Recognizable stereotyped social characters
<i>buxgalterA</i>	<i>Fat aunties about 50</i>	
<i>dogovorA</i>	<i>Sovok</i>	a post- soviet derogatory name for anything typically soviet
<i>liftY</i> <i>sredstvA</i>	<i>Soviet khozaystvennik</i>	Non-translatable culturally
<i>slEsary</i>	<i>Neat and sober.</i> <i>Never saw'em like that</i>	ironically
<i>dogovorA</i>	<i>Office plankton</i>	international stereotype
		5. Setting
<i>dogovorA</i> <i>iskrA</i>	<i>At mum's workplace</i> <i>Auto repairs</i>	
		6. Qualification of language variety (metalinguistic)
<i>sredstvA</i> <i>shOfery,</i> <i>shoferA</i>	<i>Bureaucratese</i> <i>Drivers' argo</i>	
		7. Language play
<i>dogovorA</i>	<i>FursEnko</i>	the Education Minister's distorted name
<i>TOrty</i>	<i>ShOrty, retOrty</i>	rhyming

<i>aeroportY</i>	<i>Airpants</i>	word meaning play
------------------	-----------------	-------------------

The response types indicate stereotyped views - socio-cognitive “mental props” – which speakers use in attributing a stimulus in order to evaluate it. These entities can be thought of as components of an **attitudinal cognitorium**, a socio-cognitive set of objects, beliefs and values representative of and relevant for maintaining community social order [Preston 2011]. For this data the basic components are

- Recognisable social group stereotypes (labels), associated with non-prestigious or prestigious language and acquired through socialisation (examples - response types 4,5)
- “Good/bad language” labels of two kinds: one’s “own”, acquired through socialization and those acquired through school education (examples - 2, 3, 7)
- Language varieties (meta-linguistic labels), acquired through formal education (example - type 6)

These three sets of notions are related to Standard language ideology, a cover category of this cognitorium, which seems to exist both as a subconscious belief and conscious knowledge in the data.

The FAT design appears to provide rich individual data on language attitudes as opposed to the rule-governed views obtained through sociolinguistic techniques.

References

- A.Prikhodkine, D.Preston Socio-cognitive aspects of language attitude variation // 19 ICL 22-27 July 2013. D.Preston The power of language regard:discrimination, classification, comprehension, and production // Dialectologia. Special Issue II (2011).p 9-33.
T. Kristiansen Language attitudes and language politics in Denmark//Int’l. J. Soc. Lang. 159 (2003), pp. 57–71

Ассоциативные реакции
<i>Фу! Жесть!</i> <i>Все уроды!</i>
<i>Убью козла, говори правильно!</i>
<i>Неправильное ударение</i> <i>Косое ударение</i>
<i>Нет такого слова</i>

<i>Вульгарно Пафос Просторечие</i>
<i>Словарь Даля</i>
<i>Толстые тетки лет по 50</i>
<i>Совок Горбачев</i>
<i>Сов. хозяйственник</i>
<i>Опрятные и трезвые. Таких никогда не видел.</i>
<i>Офисный планктон</i>
<i>У мамы на работе Авторемонт</i>
<i>Бюрократический язык Арго шоферов</i>
<i>ФурсЕнко</i>
<i>Шорты, реторты</i>
<i>Аэроштаны</i>

Vowel reduction in Lower Luga Ingrian: scientific description and “folk” perception⁹

N. V. Kuznetsova (ILS RAS, St. Petersburg)

The Lower Luga dialect of Ingrian (an endangered Finnic language of about 100–150 speakers) is characterized by a high level

⁹ Supported by the Russian Foundation for Humanities (project 11-04-00172a) and the Alfred Kordelin Foundation.

of vowel reduction in the non-initial syllables. The reduction is especially salient in the southern varieties of this dialect. The main characteristics of the reduction in these varieties follow (cf. [Кузнецова 2012]):

1) The reduction leads to complete shortening of all the Proto-Ingrian long non-initial vowels. The only half-long vowel allophones are found in the second syllable of the VCV foot nucleus, but these are originally the reflexes of Proto-Finnic short vowels.

2) The reduction of the Proto-Ingrian short vowels is both quantitative and qualitative and leads to merging of some vowels into one phoneme.

3) In some positions (hereafter: “stable”) vowels are only reduced, whereas in other positions (“unstable”) vowels are either reduced (to the point that they are often realized as voiceless) or are completely elided in rapid speech.

4) The degree of reduction is different for different groups of vowels and diphthongs. The following hierarchy, from left-to-right, ranks sets of vowels and diphthongs from the most to the least affected by the reduction: (i) *a, ä, ai, äi* < (ii) *e* < (iii) *o, õ, u, ü, i, oi, öi, ui, üi*.

5) I distinguish two degrees of vowel reduction: under type (b) reduction, unlike type (a), vowel group (iii), which is the least susceptible to reduction, can totally lose its quality and become [ə].

These aspects of the scientific description are tested against the material of manuscripts composed by two speakers of the southern Lower Luga Ingrian varieties, NDP (a male, b. in 1924 in Vanakülä) and TRH (a female, b. in 1926 in Haavikko), each of whom separately invented the orthographies for their native idiolects. NDP has written down Ingrian words, phrases and texts since 1990s, and TRH has started an Ingrian-Russian lexicon of words and phrases in 2000s. I check how the speakers’ depiction of the vowel reduction corresponds to my scientific description. The results are summarized below:

1) No long non-initial vowels occur in the manuscripts (with an exception of one toponym *Лаукаансуу/Laukaansuu*, presumably copied by NDP from a scientific text, cf. *Лаукан-Суу* by TRH). Long initial vowels are depicted by both speakers (more consistently by NDP).

2) NDP usually depicts the reduced [ə]-like reflexes of Proto-Ingrian **a, *ä* and sometimes **e* as «ы», e.g. *ламмыз* (< **lammaz*), *метсыст* (< **metsästä*), *кейтумми* (< **keitetti*). In the positions of reduction, TRH often uses graphemes which do not correspond to Proto-Ingrian vowels, e.g. *сааттока* (< **sättakā*), *мүйсен*

(< **muissan*), *омпаль* (< **ompele*), *ласкима* (< **laskemā*), *майту* (< **maito*), *әккү* (< **äkkö*).

3) Multiple cases of orthographical vowel loss (mostly for [ə]) occur in both manuscripts. Interestingly, in case of [ə], TRH often does not perceive any vowel not only in the unstable positions, but also in the stable ones (where vowels are always phonetically present due to phonotactic and speech production restrictions). Both speakers do not specifically mark the voicelessness of vowels. For example, in unstable positions: *перкен* or *перкэлэн* [perkl'en < perkəl'en < perk'ǽ'en], *рист* or *ристи* [rist' < rist'ǽ], *карпол* or *карполо* [karpəl < karpələ < karpǽlǽ], *пиккрайн* or *пиккарайне* [pikkrain < pikkərainǽ]; in stable positions (only TRH): *турвз* or *турваз* [turvəz], *пәәхкнд* or *пәәхкнед* [pāh'k'nəd < pāh'k'ǽnəd], *хайкуттлло* [hajkuttəłlo < hajkutt'ǽłlo].

4) Three above-mentioned groups of vowels and diphthongs can be clearly distinguished in the manuscripts. In unstable positions, the reflexes of the vowel group (i) are mostly absent from the texts (especially in word-final position), the reflexes of the vowel group (iii) are mostly present, with *e* forming an intermediate group.

5) Rare examples of loss of vowel group (iii) in unstable positions are found in NDP's texts only in the contexts where type (b) reduction is attested, e.g.: *куомнысс* [< kuom'ĩnəs], *енсмәйсекси* [< ensĩmäjseksĩ], *наарисс* [< nār'ũr'is], *вәрпләйн* [< vārp'ũlāinǽ]. In TRH's texts, however, these vowels are occasionally absent both in type (b) reduction positions, e.g. *каукол* [< kaukǽlǽ], *күльпмя* [< kül'p'ĩmä], *ләйсквь* [< lājsk'ĩv'ə], and (only *ĩ*) in type (a) reduction positions, e.g. *паперь* [< papər'ĩ].

The scientific description thus predicts and explains most of the vowel reduction phenomena found in the manuscripts. As a general remark, it can be noted that the phoneme ə, which has emerged from vowel groups (i) and partly (ii), is less often depicted by the speakers than it really is attested in speech. On the contrary, vowel group (iii) undergoes stronger reduction in speech than indicated from the texts.

References

Кузнецова Н. В. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. VIII. 1. СПб.: Наука, 2012. С. 43–103.

Spoken Dutch in Flanders: perceptions and attitudes by non-linguists

C. Lybaert (Ghent University)

Recently, a lot has been published about the spoken language in Flanders, and especially about the use of *tussentaal* (lit. ‘in-between-language’), a mixture of dialect and standard Dutch (e.g. [De Caluwe 2009], [Grondelaers & Van Hout, 2011]). Some linguists observe an increasing use of *tussentaal* and it is often postulated that the Flemish now use this language variety in situations where they used to speak dialect or Standard Dutch. Others claim that *tussentaal* has always existed, but there has been a change in the *intentions* of the speakers: in past decades the Flemish would have spoken *tussentaal* in a failed attempt to speak Standard Dutch in formal situations. Nowadays, however, the Flemish would actually intend to speak this in-between-language.

These claims about the language behavior of non-linguists have mostly been made without consulting these linguistic lays themselves. As Grondelaers & Van Hout [2011: 201] also observe “there is an [...] absence of perception data, pertaining to lay evaluations of ongoing change”. According to De Caluwe [2009: 9] there is even a strong tendency for linguists to project *their* knowledge and perception of micro and macro variation in Flanders on the knowledge of non-linguists. Hence, the question should be addressed whether linguists and non-linguists perceive, categorize and appreciate the present variation in the spoken repertoire in Flanders similarly, as this might also be indicative of the future of Dutch.

This paper reports the results of a study into the perceptions and attitudes of the average language user towards language variation in Flanders [Preston 2002], in which the following two research questions are addressed:

1. How does the average non-linguist conceive/perceive linguistic variation in Flanders?

Who still applies a bipolar model with only dialect and standard language? Is the concept of *tussentaal* more than a construction of linguists and is it a language variety of which ordinary language users are aware? How do non-linguists feel about norm relaxations in the standard language?

2. Which knowledge does the average Fleming have of linguistic variation on a micro level?

What does the average Fleming know about the linguistic status of phonological, lexical and morpho-syntactical variables? Is a certain variable a dialectal variable, is it Standard Dutch, and so on?

In order to gain insight in the way Flemish language users perceive the Flemish linguistic landscape, 80 informants were subjected to a qualitative interview in which they were asked to expound their views of the Dutch language situation. Moreover, they had to judge seven audio recordings, spoken in Standard Dutch or in several regional versions of *tussentaal* (literally ‘in-between-language’). By means of a qualitative analysis of the interviews, different types of perceptions of the Dutch language situation are identified.

References

- De Caluwe J. Tussentaal wordt omgangstaal in Vlaanderen // Nederlandse Taalkunde 14, 2009. P. 8-25
- Grondelaers S., Van Hout R. The Standard Language Situation in the Low Countries: Top-Down and Bottom-Up Variations on a Diaglossic Theme // Journal of Germanic Linguistics 23(3), 2011. P. 199-243
- Preston D. Language with an attitude // Chambers J.K., Trudgill P., Schilling-Estes, N. (eds.). The handbook of language variation and change. Oxford/Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers, 2002. P. 40-66.

‘Being Anglophone is not enough’: language, nationality and group membership in Cameroon

R. Mitchell (Cambridge)

Cameroon is a region of tremendous ethno-linguistic diversity with some 280 local languages, and where English and French have co-official status. The present study was prompted by the findings of a survey on language attitudes in neighbouring Gabon [Mitchell 2012], and by the lack of specific attention to the language-ethnic identity interface in existing ‘folk linguistic’ studies on Cameroon [eg. Kouega 2008]. It also aimed to investigate claims in current literature regarding the role of French and English as markers of personal identity [Bilola & Echu 2008]. This study is entirely oriented towards the attitudes, opinions and perceptions of the respondents themselves. 109 young adults were surveyed in April 2012 in urban Cameroon, using a 30-item questionnaire devised for this study. The respondents represented between them a total of 49 different ethnic groups. As

well as determining the respondents' sociolinguistic variables, the questionnaire addressed their self-reported proficiency in the local languages, their perception of the relevance of local languages and culture to the education system, their awareness of the public profile of the local languages, and their attitudes towards the official language policy. It also examined their perception of the role of language, ethnic group and race as identity markers. While certain findings arising from the questionnaire corroborate existing studies, others challenge them. The survey confirms a trend away from the use of the local languages in parent-child discourse (although the majority of respondents claim knowledge of at least one local language). It also shows that a quarter of all respondents construe French and English as 'Cameroonian languages', and 10% explicitly state bilingualism to be a defining characteristic of Cameroonian national identity, despite the proportion of respondents who regard themselves as bilingual being very low. Over half of the respondents propose a language other than that of their own ethnic group as national language, suggesting a fairly high level of linguistic security, and disputing current literature [Kouega 2008]. The survey also reveals a strong sense of national unity, a surprising finding in view of previous claims of a nation riven by an Anglophone-Francophone social schism [eg. Nanfah 2006, Biloa & Echu 2008]. Indeed, contrary to indications in existing literature [eg. Wolf 2001], being Francophone or Anglophone ranks overall as the least important aspect of the respondents' identity. More than a quarter of respondents regard knowledge of a local language as central to identity construction, and as a prerequisite for ethnic group membership. However, when they were asked to describe their identity using four tiers, ethnic group was placed third overall behind race (African) and nationality (Cameroonian), but before Anglophone/Francophone. This survey suggests that the respondents' actual perception of the importance of ethnic identity is limited, which in time could cause attrition of minority local cultures in Cameroon and hence their corresponding languages. This could in turn lead to ethno-linguistic levelling whereby only majority languages will survive. In a global age it is vital to consolidate ethnic and racial awareness and encourage young people to reflect on the values underlying their own identity: indeed a number of the respondents here stated that the questionnaire had given them an increased insight into their own attitudes. This study therefore advocates Cameroonian cultural studies in schools, as opposed to specific Cameroonian language classes, which would be difficult to implement in a region of

such linguistic diversity, and which would add to a language-learning load which is already heavy in many schools. This measure is called for by almost all the respondents, and would raise interethnic awareness and by extension promote the local languages.

References

- Bilola, E., Echu, G. Cameroon: Official Bilingualism in a Multilingual State // Simpson, A. (ed.). *Language and National Identity in Africa*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P.199-214.
- Kouega, J.P. Minority Language Use in Cameroon and Educated Indigenes' Attitudes to their Languages // *International Journal of the Sociology of Language*, vol. 189, 2008. P.85-113.
- Mitchell R. Language, education and identity in Gabon // Esch, E., Solly, M. (eds.). *The Sociolinguistics of Language Education in International Contexts*. Bern: Peter Lang, 2012. P.123-147.
- Nanfah G. Exoglossic Language Policy and National Unity in Africa: the Cameroonian Model // Mbangwana, P., Mpoche, K., Mbuh, T. (eds.). *Language, Literature and Identity*. Gottingen: Cuvillier, 2006. P.129-144.
- Wolf H.G. *English in Cameroon*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Why there is no consensus on Tundra Yukagir orthography

C. Odé (University of Amsterdam)

Since the last century Tundra Yukagir (henceforth TY) exists in written form, viz. in individual orthographies, in academic works by various scholars. In 1987 an official TY orthography was developed by G.N. Kurilov [Kurilov 1987]. Kurilov used the same orthography in his TY-Russian dictionary [Kurilov 2001]. This orthography was mainly based on works by Jochelson, Kreinovich, Laptev and himself, and far from finalized, as the author remarks himself [Kurilov 1987: 8].

However, when one reads a text in Tundra Yukagir and tries to find a word one doesn't know in the dictionary, one will more often than not be confronted with the fact that either the word does not occur in it, or it is spelled differently. How to explain this? There is no single answer to this question. Two examples: vowel /ö/ in *jökë* 'far' may occur in texts as *jökë* or *jokë*; the spelling of phonemic short and long vowels, e.g. /a/ vs /a:/, is phonetically speaking impressionistic and therefore not consistent, meaning that the author renders the vowel as perceived in a given word. As a consequence, native speakers strongly disagree among each other with regard to the

orthography of TY (but note that speakers may have a different dialectal background). In the given example the linguistic question thus arises about the phonemic status of vowels /o/ and /ø/ and of short vs long vowels. For example, are they allophones or dialectal variants? A further problem with the orthography is interference with Russian, Yakut and the surrounding minority languages in the area where TY is spoken (mostly Even, Chukchee, Evenki). Are different spellings due to misperceptions, errors?

Since 1990 TY is taught in kindergarten, primary and secondary school in Andriushkino and recently also in a sundayschool in Cherskii. Teachers face problems when it comes to writing TY. As a rule, pupils must use Kurilov's orthography. But how to deal with the many texts that are written by other authors, linguists, anthropologists, or by the teachers themselves, in which deviating spellings are used, and often not very consistently? And which orthographic rules linguists transcribing TY recordings must follow?

The most salient problem here is that there is a serious lack of evidence from systematic experimental studies in TY segmental phonetics. This lack of evidence is acknowledged by linguists and teachers working with TY. As long as this is a fact, a first solution of the problem would be if each text in which an orthography deviating from Kurilov's is used provides a list of these deviations, so that at least the word can be found in G.N. Kurilov's dictionary, grammar [Kurilov 2006] and his other linguistic works.

In my presentation I would like to discuss the numerous problems with TY orthography on the basis of data collected during periods of fieldwork I carried out since 2004, and present the problems from the point of view of teachers, students, linguists and writers I frequently meet. If time allows I would also like to present some first results obtained from an experimental phonetic approach to the description of TY phonetics, particularly to the pronunciation of vowel /ø/ and short vs long vowels.

References

- Курилов, Г.Н. *Правила орфографии юкагирского языка*. Якутск, 1987.
- Курилов, Г.Н. *Юкагирско-русский словарь*. Новосибирск: Наука, 2001.
- Курилов, Г.Н. *Современный юкагирский язык*. Якутск: Офсет, 2006.

Suprasegmental characteristics: how they are viewed by the speakers

E. V. Perekhval'skaya (ILS RAS, St. Petersburg)

It is no exaggeration to say that tones, both lexical and grammatical, and to a lesser extent syllable accents (pitch stress) keep some Western linguists in almost mystical awe.

I will show how the speakers of the languages which happen to have tonal or pitch stress systems perceive these characteristics.

First of all, the speakers of these languages are completely aware that words are distinguished not only by "sounds" (or "letters") but also by other features which they usually cannot properly name.

I happen to have worked with speakers of a language with a pitch stress (Udihe, Tungus-Manchu group of the Altaic "family") and also with speakers of a tonal language (Mona, South Mande group of the Mande family, Niger-Congo).

It should be noted at once that all my language assistants, speakers of both languages, were not monolingual, besides, all of them had at least school education. All of them were literate in the corresponding dominant language (Russian or French respectively), and some had a previous experience of working with linguists. Still, their ideas about the structure of their language seem to be indicative, they reflect the common views of the whole language community in question.

Typically, people obtain fragments of linguistic knowledge from school while learning Russian or French. However, the school grammars of these languages do not supply students with the terminology needed to describe suprasegmental features. Besides, French unlike Russian has no variable stress.

It is worth investigating, therefore, how speakers of tonal language perceive tones (or pitch stress) and what words they use speaking about these characteristics of their languages.

1. Udihe speakers consistently use the Russian term *udarenije* "accent, stress" to designate specific vowels of their language. The Udihe language distinguishes four vowel types: short, long, long glottalized and long aspirated. From the linguistic point of view the two latter types are characterized by phonations which are suprasegmental features. The Udihe speakers are not aware of right terms but they realize that this phenomenon is of the same nature as the variable stress of the Russian language. So, they always point out that it is necessary to use the "right stress" (*nado pravil'no stavit'*

udarenije). Udihe criticize Russians who try to speak their language as well as younger native speakers who also “disregard the *udarenije*”. The elder speakers do not realize that this feature is one of the most serious difficulties for a probable Udihe learner.

The fact that the younger generation of Udihe speakers (people under 60 years old) can not use “the right stress” is an indication of the serious language attrition.

II. The general level of education of the Mona speakers is much lower than the educational level of the Udihe. Only 15 per cent of Mona are literate in French, and about 5-10 people are literate in their native tongue. The language has three level tones plus five modulated (high-low; low-high; middle-high, middle-low, low-middle). There are lexical, contextual and grammatical tones. The tonal distinctions are, therefore, very important.

The Mona are completely aware of the tonal nature of their language. They use the word *wèle* “voice, sound producing” to refer to tone distinctions.

“If you say, for example, *máá* instead of *maa*¹⁰, they will not understand you – *máá* means nothing. They will probably ask you, «*What are you talking about? You do not have a right voice*». And they will probably pronounce correctly: *maa*.”

However, the interweaving of lexical, contextual and grammatical tones makes it useless to learn tones of separate words. Typically, a Mona speaker can not immediately indicate the initial (vocabulary) tone of a word. Tone “melody” characterizes the whole clause. This evidence supports the statement that words are less independent in Mona (and other South Mande languages) than words of European languages.

Being often unable to indicate the tone of a separate word a Mona speaker can easily reproduce the tonal structure of the whole clause by whistling it. This was used as an instructional method in the process of alphabetization of the Mona. As they already knew French alphabet the crucial task for them was to learn tone marking. They faced two correlated problems. The writing person has significant difficulties while marking tones, but the text with unmarked tones or with tones marked incorrectly is completely incomprehensible for the person reading.

The literate Mona speakers as well as speakers of other languages of the region practice the phrase whistling. They first

¹⁰ *maa* (with middle tone) means ‘chicken’.

whistle the “melody” of the whole phrase in question and then mark the tone of each element.

Conclusion. Speakers of languages with suprasegmental semantically relevant distinctions have a clear idea of the existence of these phenomena in their languages. They not only correct mistakes, they understand their main point. They are also able to discuss these matters using words which are in fact appropriate for this purpose.

“Tell me your name and I’ll say if you speak with an accent”. Effect of proper names’ ethnicity on listener expectations

A. Prikhodkine (University of Lausanne)

A number of language attitudes studies show that speech stimuli can trigger an association with a social group and elicit subjective reactions based on the stereotypes attached to that group (Preston 2010). To the extent that identification is a process (hence dynamic), several contextual factors may affect language attitudes. There is evidence that social information listeners have on the speaker (which determine expectations on the speech) is precisely one of these factors (Campbell-Kibler 2010). Several studies indicate that non-verbal cues of speakers’ social group may even make actually produced acoustic properties and styles invisible, if these don’t match with language expectations (Drager 2010). While the incidence of several cues has been investigated, no work, to my knowledge, has been done on the impact of proper names.

In this presentation, I will discuss the effect of the conveyed ethnicity by proper names on speech perception in the French speaking area of Switzerland. 150 Swiss listeners, divided into two identical samples, were asked to evaluate several female speakers – having all French as a first language and a Master degree –, the only difference between the two samples being the speakers’ proper names. Minority names were of Lusophone and Arabic origin; their social meaning has been tested in previous research (Prikhodkine & al. 2008). The listeners had to judge the suitability of the speakers for a job as a communication manager in a Swiss bank and were also asked to evaluate them on different aspects, such as the presence of a foreign accent.

Results provide evidence that mastering a Standard variety of French is not a key for non-discriminatory treatment of people of immigrant descent. Speech stimuli associated with ethnic minority

names receive significantly less positive evaluation. Ethnicity leads, moreover, to a different perception of two excerpts coming from one speaker. While the ethnicity of proper names indeed has an incidence on the way the speakers are perceived, the composition of the names (fully minority or mixed) also has an effect on the evaluation. These results suggest that manipulating proper names may have the advantage to go beyond the holistic treatment of social categories (e.g., European *vs.* Asian) by creating more fine-grained social cues.

Finally, these results will be discussed in terms of consequences that can cause tension between the apparent trend to maintain ethno-national barriers on the labour market and the government commitment to guarantee the same rights to its citizens, regardless their cultural background.

References

- Campbell-Kibler K. The Effect of Speaker Information on Attitudes Toward (ING). *Journal of Language and Social Psychology*, 29, 2010. P. 214-223.
- Drager K. Sociophonetic Variation in Speech Perception. *Language and Linguistics Compass*, 4, 2010. P. 473-480.
- Preston D. R. Variation in Language Regard // Zeigler E., Gilles P. & Scharloth J. (eds). *Variatio delectat: Empirische Evidenzen und theoretische Passungen sprachlicher Variation*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. P. 7-27.
- Prikhodkine A., Singy P., Charton N. & Iannelli A. Tout nom n'est pas bon à dire. Discriminations à l'embauche en Suisse romande. Université de Lausanne: *Bulletin de linguistique et des sciences du langage*, n° 24, 2008.

On the role of attitude in vernacular language maintenance. An account from the oasis of Siwa (Egypt)

V. Serreli (University of Sassari)

Languages and language practices are speakers' attitude objects that turn out to be "constitutive of communities and community membership" [Walters 2006: 662]; at the same time, language ideologies, intended as a set of beliefs about language and language use, influence language practices and motivate them [Bassiouny 2009: 201]. Therefore, the study of language regard, that is of nonlinguists' ideas about linguistic facts [Preston 2011] is very

important for a complete understanding of the mechanisms that regulate language use and linguistic behaviour within a given community.

This paper is based on data collected in February 2011 in the Egyptian oasis of Siwa. It focuses on the importance of speakers' positive attitude towards their vernacular language in keeping it alive, through the inter-generational transmission despite being spoken by a small linguistic minority in the only berberophone enclave within the Arabic speaking Egypt.

Concerning research methodology, during the fieldwork written questionnaires were completed by secondary school students and qualitative interviews were conducted with Siwans of different age, sex and educational background. Both questionnaires and interviews aimed at eliciting informants' explicit comments about language use and evaluation of their and others' linguistic varieties. In addition to that, the ethnographical approach of participant observation was used.

Sīwī is the mother tongue for most of the informants, hence it is a naturally acquired language related to the most intimate sphere of one's life. *ʿammiyya* is the vehicular language that consents to communicate with the "others" and the "outside". This picture has been found to be very clear in Siwans' ideas and perceptions: they attributed a high symbolic value as identity marker to *sīwī*, while considering *ʿammiyya* a communication tool having a mere instrumental value. Siwans strongly believe that, despite the spread Arabic language has undergone in the oasis in the 20th century [Fakhry 1973; Souag 2010], their vernacular is absolutely alive, "*hayya meyya meyya*", and that it is maintained thanks to the fact that Siwan mothers still rear their children in *sīwī*. They also believe in the need for Arabic language in education and they don't wish for *sīwī* to substitute it in schools, spontaneously following the formula for language maintenance suggested by Fishman [1997].

In conclusion, *sīwī* is the language of a small ethnic minority kept alive thanks to the centripetal force exerted by the positive attitude of its speakers. Moreover, the kind of social network of Siwan society, characterized by density and multiplexity in the sense given them by Milroy and Margrain, acts as a "norm enforcement mechanism" [1980: 48] leading the individual to conform to the group's linguistic behaviour.

References

- Bassiouny R. *Arabic Sociolinguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
- Davies E., Bentahila A. Ethnicity and Language // Versteegh K. *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Leiden: Brill, 2006. P. 58-65.
- Fakhry A. *Siwa Oasis*. Cairo: American University in Cairo Press, 1973.
- Fishman J. Maintaining Languages: What works? What doesn't? // Cantoni, G. (ed). *Stabilizing Indigenous Languages*. Flagstaff, AZ: Northern Arizona University, 1997. P.186-198.
- Milroy L., Margrain S. Vernacular Language Loyalty and Social Network // *Language in Society*, Vol.9, No. 1, 1980. P.43-70
- Preston D. The Power of Language Regard. Discrimination, Classification, Comprehension, and Production // *Dialectologia*, Special issue, II, 2011. P. 9-33.
- Souag L. *Grammatical Contact in the Sahara: Arabic, Berber and Songhay in Tabelbala and Siwa*. Doctoral thesis, School of Oriental and African Studies, University of London, 2011.
- Walters K. Language Attitudes // Versteegh K. *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Leiden: Brill, 2006. P. 650-664.

The phonaestheme /gl/: To what extent are English speakers aware of a meaning connection with 'light'?

M. Willett (Centre for Language and Communication Research, Cardiff University, UK)

This paper discusses the phonaesthetic nature of the onset prosody /gl/, and the extent to which English native speakers both recognise and use it productively. [Firth 1930] coins the term 'phonaesthetic' to describe how, in a speech community, phonetic structures can acquire connotations, by virtue of occurring disproportionately in many words with similar denotations. Arguably the most widely-cited English phonaestheme is the onset /gl/, common to very many English words denoting 'light', or semantically related ideas [Sturtevant 1957], [Marchand 1966], [Bowles 1995], [Sadowski, 2001]. This is typified by words such as 'glow', 'glisten', 'gleam', 'glint', 'glimmer', 'gloomy', 'glossy', 'gloaming' and many others.

Despite this groundswell of evidence illustrating the

disproportion for words with onset /gl/ to denote 'light' in the existing vocabulary of English, no study to date has systematically investigated whether present-day native speakers of English are even aware of this disproportion, let alone ascribe a connotation of 'light' to the phonetic structure /gl/. However, scholars ever since [Jespersen 1922] and [Sapir 1929] have attested that the opinions and use of present-day speakers *must* be taken into account before any such phono-semantic relationship can truly be said to 'exist'. In response to this, the present paper, part of my doctoral research project, discusses the results of three experiments, designed to test whether native English speakers are aware of the tendency for /gl/ words to denote 'light' in the vocabulary of English; and whether this awareness extends into connoting a meaning of 'light' from unfamiliar or 'nonsense' words featuring onset /gl/, or even into using the phonetic structure /gl/ productively to denote the meaning 'light' in new lexical contexts.

The first experiment provides 30 native English speakers with audio recordings of three 'nonsense' words, along with an image. One of the nonsense words features onset /gl/, while the others feature different onset prosodies (but identical nuclei and codas, as a control measure). The single image depicts light being emitted. Respondents are asked to choose which of the words best describes or names the meaning in the image. This method is then reversed in the second experiment, where the respondents are given a single 'nonsense' word featuring onset /gl/, and a choice of three images. Only one of the three images represents the idea of 'light'. Respondents are asked to choose which of the images best depicts a meaning that could be denoted by the nonsense word. The third and final experiment is fully open-ended; respondents are given a definition related to the meaning of 'emitting light', and asked to coin any word they feel best fits this definition.

The findings of these experiments are unanimous in showing that native English speakers do indeed appear to make some connection between the phonetic structure /gl/ and a meaning of 'light'. They indicate that 'light' *is* connoted in unfamiliar lexical contexts with onset prosody /gl/, and that speakers *do* use /gl/ productively in denoting 'light' more than any other phonetic structure, even when totally unprompted phonetically. However, the results do suggest that the strength of association made between /gl/ and 'light' is to some degree affected by the nucleus/coda with which the onset is paired.

References

- Bowles H. The Semantic Properties of the Phonaestheme. *Studi italiani di linguistica teorica ed applicata*, 1995. P. 91-106
- Firth J. R. *Speech*. London: Benn's Sixpenny Library, 1930
- Jespersen O. *Language: Its Nature, Development and Origin*. London: George Allen & Unwin Ltd, 1922. P.408
- Marchand H. *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*. Alabama: University of Alabama Press, 1966
- Sadowski P. The Sound as an echo to the sense: The iconicity of English gl- words // Fischer O., Nanny M. (eds.) *The Motivated Sign*. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 69-88
- Sapir E. A Study in Phonetic Symbolism // Mandelbaum D.G. (ed.) *Edward Sapir: Selected Writings in Language, Culture and Personality*. London, Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. P. 61-72
- Sturtevant E. H. *An Introduction to Linguistic Science*. New Haven: Yale University Press, 1957. P.110-112.